

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

КИРИЛЛ КИРИЛЛОВ

БУЛАТ

«КРЫЛОВ»

Афанасий Никитин

Кирилл Кириллов

Булат

«Крылов»

2014

Кириллов К.

Булат / К. Кириллов — «Крылов», 2014 — (Афанасий Никитин)

ISBN 978-5-4226-0246-9

Ему дал поручение сам великий князь – добыть секрет выплавки легендарной булатной стали. И он, простой русский купец, сделал это: дошел до Индии и добыл секрет. Однако добыть мало, надо доставить мешок с заветным порошком домой. А на дворе пятнадцатый век. Путь от Индии долог и чрезвычайно опасен. Особенно, когда ты в одиночку идешь через чужие земли. Этот подвиг немногим по плечу. Индия, Персия, таинственные диковины загадочного Востока, неведомая древняя земля, населенная дикарями, пустыни, пиратские корабли, Черный континент, моря, океаны... Приходится прибиваться к попутным караванам, приходится выдавать себя невесть за кого, быть обманутым и обманывать самому, приходится драться насмерть, приходится идти в наемники, в миссионеры... как только не приходится изворачиваться, чтоб выжить, прорваться и продолжить путь. А по следу идут и те, кто хочет вернуть украденный порошок, и те, кто хочет забрать секрет себе. Не говоря уж о простых разбойниках, которых везде и всегда хватало с избытком. Но надо, надо все преодолеть. Ведь Русь, овладев секретом булата, станет сильнее...

ISBN 978-5-4226-0246-9

© Кириллов К., 2014

© Крылов, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	28
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кирилл Кириллов

Булат

Глава первая

Он остутился. Нога соскользнула с торчащего корня и съехала в лужу. В кожаный мешок со стянутым шнурком горловиной, приспособленный на ногу вместо порвавшегося сапога, полилась теплая вода. Идти дальше было нельзя – намокшая кожа сотрет пятки до мяса.

Афанасий выругался, перекрестил рот от скверны и присел на предательский корень. Застонав сквозь зубы, согнулся и принялся расшнуровывать навязанные узлы. Кое-как справился с ними, выплеснул влагу обратно в лужу. Помахал в воздухе, вытряхивая капли. Наконец удовлетворился своей работой. Но натягивать обратно мешок не стал. Прислонившись спиной к дереву, пошевелил голыми пальцами. Немного подумав, снял с другой ноги дышащий на ладан сапог, вытянул ноги и, зажмурившись, подставил лицо едва пробивающимся сквозь огромные листья солнечным лучам.

Лесные насекомые слетелись, сбежались, зашуршали в траве, засуетились, пробуя лапками, усиками и жвалами угощение невиданное – грязные русские пятки.

Сызмальства привыкший к клопам, что в изобилии водились в тулупах и валенках, на этих мошек и букашек он не обратил особого внимания, только иногда поглядывал сквозь ресницы, чтоб не предъявило свои права на его ступни что-нибудь более крупное и ядовитое. Здоровье и так было ни к черту.

Полученная в стычке Мигелем рана подзатянулась, но иногда давала о себе знать резкой болью. От кровопотери временами кружилась голова, особенно когда приходилось перелезть через поваленные стволы или пригнуться к земле. Исподволь точила организм и какая-то местная болезнь, от которой кожа желтела и покрывалась словно бы легким пушистым налетом. Часто бросало то в жар, то в холод. Видимо, подхватил заразу, когда, как собака, лакал воду в джунглях из луж и ручьев.

Афанасий прикрыл глаза. И тут же нахлынули воспоминания. Все странствия его многолетние, от начала хождения и до дня сегодняшнего, пронесли перед глазами. Словно перелистывал страницы той самой книжицы заветной, в которую записывал, что видел-повстречал на чужбине.

Вот он, простой тверской купец, вернулся из далеких земель. Вернулся не солоно хлебавши, с одной худой котомочкой за плечами. И нет, чтобы тогда забросить дела купеческие, дела несчастливые, да и вернуться к тому, чем их род издавна занимался – к кузнечному ремеслу! Нет, поддался на уговоры друга Михаила, набрал товара, залез в долги и отправился за тридевять земель – вновь торгового счастья пытаться.

И вспомнилось, как плыли на стругах по Волге-матушке и как напали на них татаре разбойные. И товар частью утонул, частью попал в лапы разбойников. И как добрались до города Дербент, до одного из древнейших городов в мире, где от отчаянья и безденежья заявили к шаху посольством купеческим – челом бить, чтоб возместил шах им имущество, де, на его, шаха, землях их ограбили. Да только прогнал их шах.

И вот во второй раз Афанасий дал уговорить себя другу Михаилу. А друг подбил его на дерзость неслыханную. Мол, нет другого выхода. И ночью татями пробрались они во дворец шаха. Эх, не знал тогда Афанасий, что вовсе не золото-серебро интересует Михаила. Хотя и злата унесли они тогда из дворца преизрядно. Да только погнались за ними шаховы люди. И вот уж вроде оторвались, да все же настигла их погоня. И кончилось все смертью друга Михаила от ран тяжелых.

А перед смертью открыл Михаил тайну свою. Мол, купечество это для отвода глаз, а так послан он князем тверским с заданием тайным – добыть секрет булатной стали, с помощью которой Тверь над Москвой верх сможет взять. Для привезшего секрет князь денег не пожалеет. Вот во дворце шаха Михаил тот секрет и искал... да не нашел только.

И ничего не оставалось Афанасию, как схоронив Михаила, отправиться на поиски тайны выковки булатной стали. Только вернувшись с тем секретом, он сможет с долгами расплатиться, сестер замуж выдать и новую жизнь начать. И зашагал Афанасий дальше по чужим землям. А далее ждала его огненная равнина и город Баке, встреча с португальцем Мигелем, по наущению которого он закупил зелье гашиш, и они отправились с ним в Чапакчур, чтобы продать его там вдвое-вчетверо дороже. А по дороге чертов португалец Мигель обокрал его и сбежал.

И вот оказался Афанасий на берегах реки Инд, там, где выносила она в море мутные свои воды вместе с обломками хижин и траченными огнем покойниками. Опять один-одинешенек, опять беден, разве книжицу заветную сохранил. Прикинувшись Хаджи-Юсуфом, купцом хорасанским, вошел Афанасий в город Джуннар. И в том граде чуть было не заставили его силой принять мусульманство, да спас знакомец старый, Мехметка, ныне до визиря дослужившийся.

За два месяца в Бидаре в доме Мехмета он малость отдохнул, дух перевел, сил набрался. И уже опосля отправился в Парват (благо тот находится совсем недалеко от Бидара), где, по слухам, проживали кузнецы, хранящие секрет булата.

В Парвате он повстречал Лакшми... Никак не ждал Афанасий, что любовь найдет его за два моря от отчизны. Как видно, не так уже и важно для любви, сколько морей пройдено. И кто какой веры, тоже не важно. Да и многое остальное кажется пустым и незначительным...

А потом была деревня кузнецов. И уж такое его везение, что объявился он, Афанасий, akurat после того, как деревня подверглась набегу обезьянцев, подданных царя Ханумана, и многих взрослых побили обезьянцы, а всех детей похитили и увезли к себе в обезьяний город. И пришлось Афанасию направиться в город Ханумана.

И в том городе ждал его плен. А еще ждал гнусный португалец Мигель, который пристроился там при Ханумане кем-то навроде первого советника или, на здешний лад говоря, визиря.

Поймали там Афанасия. Честно говоря, он уже простился с жизнью, приготовился принять неминуемое. Да только вместо того, чтобы просто убить, обезьянцы решили позабавиться, выпустить его на арену гладиаторскую, какую они учинили у себя наподобие римской. И в том они с Афанасием просчитались...

А потом было и бегство, вызволение детей из плена, добыча порошка булатного, бесценного, пожар, устроенный им, Афанасием Никитиным, напоследок в граде обезьянцев. Одно дело он, к несчастью великому, недоделал в граде Ханумана – Мигеля не добил. Гнусный португалец шел по их следам до самого дворца Лакшми. Пробрался во дворец, проник в покои Лакшми, где был в тот момент и Афанасий.

Афанасий в схватке убил поганого португальца Мигеля, да вот Лакшми уберечь не смог. А потом и самому Афанасию пришлось спешно бежать из Парвата, потому что не простили бы ему смерти жрицы, во всем бы обвинили его...

Опять резкой болью дала о себе знать рана, нанесенная подлым Мигелем.

Но сильнее боли телесной была боль душевная. Лакшми! Черные глаза, смуглые руки, расплывающееся по платью красное пятно и последний вздох. Он в сердцах ударил кулаком по зеркалу лужи, подняв фонтан брызг. А вот спеченный огнем в уродливую маску лик Мигеля уже почти забылся, расплылся, превратился в далекий отзвук, словно образ злодея из слышанной в детстве сказки. Да и Лакшми...

Афанасий с неудовольствием отметил про себя, что ее образ тоже стал потихоньку тускнеть, отдаляться, превращаться в далекую звездочку на горизонте, красивую, согревающую

своим неярким светом, но отнюдь не путеводную. Теперь звезды вставали так, что кроме как дома, нигде он нужен и не был. А уж тем более в этих лесах. Если двинет кони тверской купец, никто не расстроится.

И верно, пора идти, подумалось ему. Чем быстрее он доберется до Бидара, тем скорее сможет найти лекарство против подцепленной заразы, встретиться с Мехметом и отплыть в родную Тверь. Неблизок до нее путь, но если не сделаешь шага первого, то и остальных не пройдешь.

Сколько он уж дома-то не был? Пасха – праздник Воскресения Христова, ежели по приметам, наступает раньше бесерменского байрама дней на девять или десять. Стало быть, уже три или четыре Пасхи он не праздновал по-христиански. Первую в Каине, а другую в Чапакуре, в Мазандаранской земле третью, а вот уже и четвертая близится, и хорошо, если в столице владений хорасанских, а то ведь и в чашобе этой встречать придется. И три Великих поста пропустил, скоромное вкушал... И книги, что взял с собой в дорогу, утопли в Волге. Не соблюсти теперь обрядов веры христианской. И иных праздников христианских не отметить... Ни Пасхи, ни Рождества Христова, и даже постные среды и пятницы мимо проходят – чем накормят, тем и счастлив. Эх, не отмолить тех грехов будет, разве что митрополит Геннадий согласится вместе пред богом предстоять, колени преклонить. Как он прощался, да как благословил, так не должен в такой беде бросить. Только бы вернуться в родную Тверь.

Он с нежностью погладил висащие на веревочном поясе мешочки с зельем, что при ковке превращает обычное железо в булат. Для него это были не просто порошки, смесь которых обладала чудодейственными свойствами, для него это была и расплата за долги, и новые хоромы для матери, и приданое для сестер, и беззаботная жизнь, сколь господь попустит с возможностью ездить по свету куда заблагорассудится. Хоть к варягам, хоть к грекам, хоть к гишпанцам, хоть к эфиопам, кои ликом черны. А и в землю италийскую бы завернуть, там, говорят, строители да художники чудеса творят. Хоромы строят высокие, картины рисуют – от живых не отличишь, изобретают чего-то, кафтаны наикрасивейшие шьют. Вот там можно для родной земли таких товаров найти, небось, каких в этих местах сыскать трудно.

Он поднялся, кряхтя и прижимая ладонь к ноющему боку. Но даже боль не смогла стереть улыбки с его лица, уж больно любы были путешествия по новым землям неизведанным. Стараясь не сгибаться резко, натянул на ногу слегка подсохший башмак. Зашнуровал. Глянул из-под руки, чтоб не слепило, на солнце.

Ежели около полудня сейчас, то там север, там юг, а запад, значит, сюда будет. Не заплутать бы, а то тут листва внизу мрак вечный создает да направление лучей меняет. Все не по-людски.

Он старался выдерживать направление на столицу земель хорасанских, но без дорог это было довольно трудно. А по дорогам ходить было не можно. Везде война. Где армия на армию, где отряд на отряд, где банда на банду, а где и брат на брата. Вон тот же Мехмет собрал войско да и двинул на Асад-хана, правителя Джунара. Может, уже и город взял. А ведь единоплеменники по большому счету. Что уж о распрях меж хорасанцами и индусами говорить?

Эх, туда б добраться, прямо к Мехмету в объятья, да это уж совсем затея головоломная, посетовал Афанасий. Все друг на друга волками смотрят, в каждом чужаке врага норовят углядет, лишат живота не за понюх, да и здоровье позволит ли?... До Джуннара от Бидара еще месяц, почитай, а лекарство надо быстрее.

Он приложил руку ко лбу и вздохнул, чувствуя, как снова подступает сухой жар. Не помереть бы допрежь столицы, подумал он, тяжело опираясь на суковатую палку, специально вырезанную для вспомоществования в ходьбе.

А это что такое? Он прислушался. Речка журчит? Или голоса далекие доносятся? Если речка – хорошо, можно напиться водицы проточной, а вот если голоса – ну его, надо дальше

в лес уходить. Или тут залечь от греха? Да, все-таки голоса. И рев какой-то трубный. Солдат, что ли, рогами сигнальными на битву собирают?

Гулкий звук выстрела прокатился по лесу, спугнул окрестных птиц. Где это? За спиной, кажись, в деревне. Он ее как раз стороной обошел, не видел даже. Как наткнулся на поля возделанные, так и в лес. А кто-то не обошел.

Тишину сотряс еще один выстрел. Поднялась к небесам струйка черного дыма. Такой ни с чем не спутаешь, так горят дома. Афанасий снова выругался, перекрестил рот и зашагал, стремясь убраться подальше.

Невдалеке от него выскочила из кустов темная фигурка. Налетела почти, ударившись в могучее тело купца, отлетела, вскрикнула, прыгнула в сторону, исчезла за деревьями. Ребенок. Голый. Темные волосы до плеч. Мальчик ли, девочка – не разобрать. Да и ладно, подумал он, опуская обратно в ножны тяжелый кинжал, который сам не заметил, как извлек на свет божий. На вид индусский ребенок, из деревни, скорее всего. Значит, туда хорасанцы пришли, и не с добром. Меж стволов показалась еще одна фигура. Подросток. В белой набедренной повязке, цепляющейся за ветки, но не могущей затормозить ярого бегуна. Пардусом пронесся он мимо Афанасия и, красиво перескочив через поваленный ствол, исчез в лесу.

Ох ты мне, подумал купец, оглядываясь, это оттуда, значит? Опираясь на посох, поковылял быстрее. Мимо пронесся еще один индус, в чалме и развевающихся на ветру одеждах. Бежал он, тяжело дыша, колыхаясь могучим животом, но довольно резво. В руках держал объемистый холщевый мешок. Еще один мужчина, крупный, похожий на воина, проломился через кусты чуть поодаль. Афанасий захромал быстрее, одной рукой усердно орудуя палкой, другую прижимая к разболевшемуся боку.

За спиной послышался неясный гул, затем топот босых ног по мягкой листве, тревожные крики, треск ломаемых ветвей и глухие удары в землю, будто спятивший великан бил по ней тяжелой кувалдой. Эти звуки были непонятны и оттого страшны особенно.

Задыхающегося Афанасия догнали еще несколько человек. Высокий мужчина в остроконечной шапке и с копьем в руке подгонял двух семенящих женщин. Одна держала за руку испуганного ребенка лет десяти. У другой ребенок был привязан за спиной платком, совсем маленький, годика два, не больше. Он улыбнулся Афанасию и, показав на него толстым пальчиком, зааукал. Прежде чем купец успел что-то сообразить, густая растительность скрыла малыша из виду. Потом его захлестнула разномастная, тяжело пахнущая маслами сандалового дерева и страхом толпа. Закрутила, понесла, заражая общим безумием.

Его толкнули, наступили на ногу. Палка, о которую споткнулся дородный увалень, вылетела из рук и затерялась в высокой траве. Чей-то мешок больно зацепил ноющий бок, кто-то наступил на ногу. Его снова толкнули, и если б не богатырское сложение, то скорее всего сбили бы с ног и затоптали.

Мужчин в толпе почти не было, похоже, они растворились в лесу раньше. Женщины и дети по большей части. Несколько стариков. Все они бежали, не разбирая дороги, выпучив глаза и раскрыв рты в тщетной попытке охладить рвущиеся легкие знойным воздухом.

Наконец ему удалось разминуться с толпой. Опершись о дерево, купец согнулся в три погибели, переживая боль, несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул. И снова поковылял прочь от надвигающегося грохота, чувствуя, как трясется земля. Да кто ж так ее сотрясать может-то?

Впереди замаячили чьи-то спины. Неужели и он смог догнать кого-то из деревенских, удивился Афанасий. А, конечно, старики и старухи. Они брели плотной группой, опираясь на клюки, поддерживая друг друга, не давая упасть. Вот молодцы, подумал купец, эти-то своих не бросают, но держаться возле них точно не стоит, таким старым нипочем не убежать. Он взял чуть правее, обходя группу по дуге. В конце концов, это не его война, не его народ и от местных дел лучше держаться...

Перед ним с треском обрушилось деревце. Иные затрясли листвой, согнулись, застонали. Пригибая их к земле, втоптывая в почву кусты в рост человека, на прогалину вышел слон. Уши прижаты к голове, хобот свернут в кольцо, маленькие глазки смотрят исподлобья зло и тупо. К каждому бивню зверя привязан длинный, кривой меч без рукоятки. На спине поверх попоны – обшитая медью башенка, в которой – пятеро или шестеро хорасанцев, вооруженные кто самопалами¹, кто короткими саблями. Еще один, возница, сидел на загривке зверя, сжимая в руке похожий на короткий багор посох, заточенный, с крюком у основания наконечника. Им он колот зверя в шею, заставляя поворачиваться в нужную сторону.

Увидев Афанасия, слон замер, подняв ногу для следующего шага, да так и не опустив. То ли с испугу, то ли просто от неожиданности. Башенка на его спине качнулась. Хорасанцы повалились друг на друга, хватаясь за борта и крича. На землю посыпалось выпущенное из рук оружие. Один воин, разодетый как павлин, перевалился через борт, скатился вниз, с треском ломая ветки. Дернулся и затих. Слон поставил ногу на землю, башенка снова качнулась. Воины внутри нее взвыли. Возница тоже закричал, колотя пятками по ушам слона и тыкая ему прямо в темя острие своего багра. Слон закрутился на месте. Массивная серая нога придавила барахтающегося в траве вельможу. Раздался пронзительный крик. Перекрывая его, грохнул выстрел. Пуля вздыбила землю возле ног купца. Башенку заволокло сизым пороховым дымом. Слон поднял к небу хобот и издал тот самый рев, что тверич принял за голос боевого рога.

Афанасий метнулся в сторону, под сень деревьев. Еще одна пуля ободрала кору возле самого его лица. Хищно прошелестели над головой несколько стрел. Затопотал слон, усмиренный и пущенный по его следу. Затрещали подминаемые чудовищным весом зверя кусты.

Купец нырнул под поваленный ствол, перекатился, вскочил, протиснулся сквозь рощицу тянувшихся из одного корневища деревьев. Скатился по склону неглубокого овражка, с ужасом слушая, как трещит, погибая под ногами слона, та самая рощица. Вскарабкавшись на склон, стремглав проскочил через еще одну рощицу. Прижался спиной к стволу дерева толщиной в восемь обхватов, прислушался. Вроде, отстали. Не отважились пускать слона в такой густой лес с оврагами? Или просто решили не связываться? С чего бы? Для слона лес – место привычное, да и товарищ их пострадал сильно, если зверь его и вовсе насмерть не затоптал. Почему отстали-то? А, вот оно что!

Сквозь густые кусты он разглядел двигающихся плотной цепью загонщиков. В основном, хорасанцы в блестящих на солнце медных панцирях. Скорее не для защиты, а чтобы издали отличаться от местных. В руках короткие копья, которыми они то и дело ударяли себя по нагрудникам чуть ли не с колокольным звоном.

Вкупе со слонами, с которых отлично видно беглецов в густой растительности, – загон по всем правилам. Потому воины на слоне рассудили, что и он общей участи не избежит, попадет в загон, а уж там они его найдут и поквитаются. А даже если и не поквитаются, ничего хорошего загнанным в такой охоте все равно не светит.

Только вот куда их всех гонят? Впрочем, скоро будет ясно, подумалось ему. За цепь так просто не выбраться, разве только распадок какой поискать, овражек или ямку, чтоб укрыться незаметно. А когда мимо пройдут, бежать в другую сторону что есть духу.

Он снова нырнул в лес, стараясь убраться подальше от пеших хорасанцев и от сотрясающих землю слонов, высматривая подходящее убежище. Но на глаза ничего подходящего не попадалось. Несколько поваленных деревьев, под которыми не затаиться и кролику. Как-то норы, по сравнению с коими тот овражек – просто ущелье. Все не то. А шум за спиной не утихал, приближался. Кольцо преследователей сжималось.

Впереди опять замаячили старики и старухи. От усталости они уже едва ползли, еле переставляя ноги. Присоединиться к ним, затеряться, авось не заметят. А старики кому нужны. С

¹ Самопал – общее название огнестрельного оружия.

ними возни больше, чем от них пользы. Да нет, чай не Русь, где напрасное душегубство грехом считается. Здесь порядки другие, переколют всех, как тетеревов, и вся недолга. Да и не смахивает он на индуса, а тем более на старика, хоть и осунулся сильно.

За спиной опять грохнул выстрел. Заревел слон. Афанасий испуганным зайцем прыснул туда, куда убежали более молодые жители деревни. Они-то уж наверное знали окрестности получше. Хотя и хорасанцы не просто так облаву устроили, сначала посмотрели, куда гнать. Вот попал, думал он, а ноги сами несли его подальше от преследователей. И боль в боку стала тише. С испугу, что ль?

Впереди наметился какой-то просвет. Что-то блеснуло серо-голубым. Вода? Река? Точно. Неширокая и злая, она с шумом перекатывала буруны грязно-илистых вод через острые камни. А вот и жители деревни. Столпились на небольшой безлесной полянке недалеко от полуторсаженного обрыва. Загон. Теперь сильные мужчины, коих там едва ли дюжина наберется, могут либо принять бой и лечь под копьями, либо прыгать в воду и стараться выплыть. Женщины и дети остаются в руках хорасанцев всяко, им в такой реке не выжить. Ну, а старики – он прислушался к долетающим из леса крикам – уже и не жильцы.

Афанасий выбежал из леса. Надо же, а индусы-то подрались решили, подивился он, глядя, как выстраиваются мужчины перед женщинами подобием клина и извлекают из складок одежд кинжалы с волнообразными лезвиями. И пацанята с ними. Эх, поубивают ведь не за понюх, грустно подумал купец. Хотя, ежели б, скажем, татары напали, и он бы за своих перед чужими встал, а не сбежал бы позорно. На то они и свои. Хорошо, хоть тут бог миловал, не послал испытания, думал он, проверяя, крепко ли затянуты пропитанные жиром мешочки с порошком.

Уверившись, что не протекут, Афанасий перекрестился и стал спускаться в мутную, вобравшую в себя грязь окрестных полей воду, хватаясь за низко нависающие ветви и вымытые из земли скользкие корни. Спустился, сразу утопнув по колено. Постоял мгновение, привыкая к дикому напору мутной воды. Следующий шаг. Воды сразу стало по пояс. Вверив себя богу, отпустил ветку.

Его подхватило, понесло, закручивая в водоворотях. Острый камень ударил под ребра. Еще один зацепил колено, оставив на нем болезненную царапину. Набежавшая сзади волна накрыла с головой. В легкие хлынула вода. Плюясь и отфыркиваясь, он вынырнул на поверхность, заработал руками. Перевалил еще через одну стремнину, вздрогнул, услышав сквозь рев реки крики. Храни господь ваши души, хоть и не христианские.

Рядом с его плечом раздался сочный шлепок. Взметнулся фонтан брызг, с небольшим опозданием долетело эхо выстрела. Заметили, гады, мелькнуло в голове. Теперь уж за все посчитаются.

Вывернув голову, купец мельком взглянул на медленно удаляющийся берег, где суетились хорасанцы. Одни попарно вязали пленных, другие сталкивали в воду трупы. Третьи, стоя у самой воды, целились в него из самопалов. Клубы порохового дыма окутали их фигуры. Одна из пуль срикошетила от ближайшего камня, брызнув в лицо осколками. Остальные легли дальше, за границами видимости. Громыхнул долетевший залп.

Афанасий сильнее заработал руками и ногами. Опять попал в стремнину. Река жадно вцепилась в него, потянула на дно. Купец забился пойманной в сеть рыбой, но вырваться не смог. Его притопило, провезло лицом по корягам на дне. Вышвырнуло на миг на воздух, дав сделать полувдох и с силой опустило на невидимые в глубине камни, выбивая обратно только что набранный воздух. Затрясло тряпичной куклой, швырнуло в сгусток колючих ветвей. Не помня себя, ухватился Афанасий за эти ветви, заматал головой, отбрасывая со лба и глаз слипшиеся волосы.

– Боже милосердный, благодарю тебя за спасение, что послал ты мне в столь трудный час, – пробормотал он, оглядывая суковатое, вывернутое с корнем деревце, за ветви которого

он уцепился. Однако на бога надейся, а сам не плошай, мелькнуло в голове, когда ствол налетел на камень, захрустел, воткнул в грудь купцу тонкие веточки. А ежели вот так? Он развернул неподатливое плавсредство большой веткой вниз, навроде кия. Путаница корней на том конце чуть изменила курс, обходя очередное нагромождение камней. Лишь треснули в кильватере обламываемые ветки. А вот так? Афанасий крутанул ствол в другую сторону, тот вильнул, закутился, чуть не опрокинув «капитана».

Крутоват разворот вышел, подумал он, выплевывая воду, после которой скрипели на зубах песчинки, а вот если не усердствовать, то в самый раз. Он снова повел ствол, уверенно лавируя меж камней. Теперь еще вот мешочки наверх поднять, а то не промокать-то вроде не промокают, но лишний раз испытывать судьбу не стоит. Вот теперь еще локоть сюда, вот в развилочку эту, и вот эту ветку отрубить – он взмахнул кинжалом – чтоб в глаза не тыкалась. А что, хорошо, удобно даже. И вода на диво теплая, почти не чувствуется.

Да эдак он черт-те куда уплывет от персов этих. Даже до моря-окияна добраться сможет, ведь любая река туда впадает. Только бы зверюг тех хвостатых, что у стен дворца Ханумана его чуть на зуб не спробовали, не повстречать. Они в воде князя великие, от них на таком бревнышке не уплыть. Ну да пока не видно, можно и...

О том, что можно, он подумать не успел. Дерево неожиданно остановилось и начало принимать свое природное положение – корнями вниз, ветвями наверх. Одна из особо толстых веток подцепила купца за рубаху, потянула за собой, затаскивая в крону. Прежде чем он успел понять, что за чудо такое приключилось, дерево поднялось вертикально и ухнуло вниз в затаженным падении.

Водопад!!!

Вымытое за долгие годы падающей водой озеро у подножия водопада целиком приняло дерево с висящим на нем Афанасием. Пронизанная столбами солнечного света вода затормозила падение, и в дно корни стукнулись уже на излете. Только поэтому острые ветви не проткнули купца насквозь, однако досталось ему немало. Ребра хрустнули, отдавая в многострадальный бок. Вся грудь покрылась неглубокими рваными ранками. Хрипя и отплеываясь, он всплыл вместе с деревом, покрутился и так и сяк, отцепляя рубаху от пробивших ее сучков. Опираясь на ствол, поднял голову над водой.

Водопад был не очень высокий, саженей четыре-пять в высоту, и почти не шумный, оттого-то и не заметил его Афанасий вовремя. Озеро под ним тоже невелико, саженей пятнадцать, много двадцать в поперечнике. А вытекал из того озера лишь ручеек, что с места можно перепрыгнуть. Видать, был и еще один водосток, но это значения уже не имело. Дерево все равно не проплывет по ручейку, а значит, нужно менять способ передвижения.

Афанасий оттолкнулся от послужившего ему верой и правдой ствола, в три несильных гребка проплыл отделяющее его от берега расстояние. Выбрался на сухое, цепляясь за обильно растущую по краю траву и рухнул в нее, вконец обессиленный. Полежал минут двадцать, перевернулся на спину, уставившись на барашки облаков в синем небе. Выскреб из бороды речную тину. Вздохнув полной грудью, закинул руки за голову.

А жизнь-то, оказывается, прекрасна и удивительна. Погода чудесная, работорговцы нерасторопны, а бок не болит впервые за долгое время. И ни от кого не надо удирать. Вот оно как переживания-то помогают осознать ценность спокойствия и простых человеческих радостей.

Належавшись вдоволь, он сел, отжал рукава давно потерявшей цвет рубахи. Расшнуровал обувь, вытряхнул из нее воду, хотел надеть вновь и замер, так и не сподобившись. В мозгу его адским пламенем вспыхнула страшная мысль – зелье!

Он провел руками по бокам и груди. Отбросив в сторону башмак, рыбкой кинулся обратно в озеро. Размашисто загребая руками, подплыл к дереву, которое уже снесло возникающим под струями водопада течением к устью ручья. Осмотрел ствол. Зашарил руками по

скрытым темной водой веткам. Нету. Холодея, нырнул, щурясь в замутненной мусором воде. Ничего. Погрузился снова, аж до самого дна. Озеро было глубоким. Внизу вода давила так, что звенело в ушах.

Стараясь не обращать внимания на звон, он стал вершок за вершком ощупывать дно. Мешочков не было. Конечно, озарило его, ухнул-то в воду эвон где, а ищущее там, куда дерево снесло. Не там, выходит. От этой мысли стало немного легче. Проплыл до того места, где он вместе с деревом слетел с верхушки водопада, нырнул вновь. Зашарил пальцами по дну, загоня под ногти веточки и частички ила. Ничего. А если мешочки развязались, и в них попала вода? Но тогда, наверное, еще высушить можно... А если содержимое высыпалось и теперь медленно растворяется в воде? Черт! Его богатство, благополучие его семьи прямо сейчас расплывалось по темной глади, утекая вдаль тонким ручейком.

Вынырнув за очередной порцией воздуха, он в сердцах саданул кулаком по ненавистной воде, выбив из нее фонтан брызг. Та осталась равнодушной к его терзаниям. Он снова ударил по ней. Шлепок получился куда более сильным, а выбитые брызги накатили волной, которая пришла... Почему-то сзади. Озадаченный, купец обернулся.

Чуть позади, лицом вниз плавало почти обнаженное тело. Колыхались по воде размотавшаяся чалма и белая набедренная повязка. Еще один с водопада сверзился. Индус. Да может, живой еще?

Афанасий подплыл, поднырнул, схватил подмышки, перевернул. Взглянув в темные, остекленевшие глаза, понял – этому уже ничем не поможешь. Жалко, молодой ведь совсем. Явно из тех, кто вступился за своих женщин и детей на полянке у реки. Ну да, вон и рана от копья в животе. Рана такая, что не сразу от нее умрешь, помучаешься сначала. Зверье! Может, еще живого в речку кинули.

А он же упал-то где? Афанасий взглянул на устье водопада, перевел взгляд на тело. Вот, значит, оно как? Все, что слетает с водопада, попадает не совсем в то место, куда стремится вода?

Оттолкнув индуса подальше к берегу, Афанасий снова нырнул, почти вслепую зашарил по дну руками. Вынырнул, чтобы глотнуть свежего воздуха, опять нырнул. Когда легкие начало жечь огнем, пальцы наткнулись на веревочную петлю. Сжали судорожно. Загребая одной рукой, Афанасий вытащил добычу на свет божий, поднял над головой. Отбросив волосы со лба, взгляделся. Они, родимые.

Держа мешочки высоко над головой, будто бы даже близость воды могла им повредить, он выгреб к берегу. В том же месте, где и в первый раз. Уселся на примятую траву и, зачем-то вытерев ладони о насквозь мокрые порты, осторожно стал развязывать шнурки. Руки не слушались, тряслись, и на то, чтоб расшнуровать первый мешочек, ушло довольно много времени. Он заглянул внутрь, втянул ноздрями сернистый запах, потряс, перекатывая от стенки к стенке крупные зерна неведомого вещества. Слава богу, сухое. Только у горловины чуть подмокло. Да наверняка капли скатились, когда развязывал. Второй мешочек поддался уже быстрее. Тоже все сухо. В третий попало немного влаги, он вообще был самым худым из всех подобранных на оружейном дворе Хануманова дворца. Может, его на будущее еще в рогожу какую завернуть? Афанасий огляделся, хотя прекрасно понимал, что в этих далеких от человеческого жилья дебрях вряд ли что подходящее сыщется. Разве что от чалмы мертвеца кусок отрезать, но это уж форменное святотатство выйдет.

Отгнав от себя эту мысль, принялся привязывать мешочки обратно к ременной перевязи. Затем не торопясь обулся, достал кинжал и подступился к невысокому, тонкому, с высокой кроной деревцу, из ствола которого можно было сделать отличный посох. Замахнулся.

Деревце вздрогнуло листьями, треснуло и стало заваливаться на сторону, обнажая топорщущийся щепками слом. Афанасий удивленно посмотрел на занесенный кинжал. Как же так?

И тут до него долетел звук выстрела. Прежде чем он сообразил, что делать, ноги сами бросили его в кусты.

Пули застучали по листьям, как град. Сверху, от водопада, раздались разочарованные возгласы на фарси. Ругань. Посыпались камешки под ногами спускающихся вниз преследователей.

Бесермены проклятые догнали. Видать тот, со слона наверхнувшийся, знатным человеком был, и надо не его самого, так хоть голову убийцы начальству доставить. А может, просто осерчали дюже, что посмел кто-то их воле не подчиниться. Но бежать всяко надо поелику можно быстрее, думал Афанасий.

Отсидеться не удастся, заметят вмиг. В той стороне – открытая поляна, а вон там – дебри вовсе непролазные. От водопада наступают загонщики. Остается только вдоль ручья или по руслу, а то больно заросли густые. Вот только чтоб добраться, нужно преодолеть насквозь простреливаемую чашу водопада. Опасно, конечно, но и тут не леее – выпущенная из ружья пуля стряхнула листья с куста над самой головой. Как же выщелили-то, нехристи? Глядя на рассеивающиеся по краям опушки облачка порохового дыма, понял – по берегу не получится, застрелят.

Покачавшись на носках для верности, он греческим марафонцем рванул с низкого старта. В несколько длинных шагов преодолел расстояние до берега и, вытянув руки, нырнул в мутный водоем. Несколько пуль булькнули следом.

Афанасий заработал руками, с трудом разгребая тяжелую воду. Вынырнул, вызвав сверху шквал криков и выстрелов. Снова нырнул под аккомпанемент сыплющихся вокруг пуль. Увидев наверху застрявшее поперек истока ручья дерево, выгреб к нему. Собрав все силы, опять нырнул, оттолкнулся ногами от близкого дна и дельфином взлетел над деревом. Оцарапав живот, перевалился через ствол и кувырнулся на спину в узком русле.

Несколько пуль зло вгрызлись с той стороны в нетолстый ствол. Крики раздались уже почти рядом. С трудом выпростался он из русла и вскочил. Тут же грянул еще один ружейный залп. Стрелков было человек тридцать, половина палила, а половина перезаряжала, судя по всему. Долго так продолжаться не может, все равно зацепят в конце концов.

Афанасий присел и по краешку русла начал сползать вниз, прикрывая лицо от хлещущих ветвей. Поняв, что так не уйти, спрыгнул в ручей и побежал, поднимая фонтаны брызг. Хоть воды и по колено, но бежать под гору не очень тяжело. Только бы не поскользнуться.

Он успел отбежать шагов на триста, прежде чем хорасанцы спустились вниз и высыпали на край чаши. Пальнули несколько раз, но скорее для порядка – для точного выстрела было уже далеко. Заорали в спину что-то, да не разобрать было за шумом воды.

Купец остановился, уперев руки в колени, отдышался чуть, распрямился, сложил в сторону преследователей внушительный кукиш и побежал дальше, уже медленнее, уже осторожнее ставя ноги.

Сзади послышался нарастающий грохот. Афанасий оглянулся и обмер. Бесермены спустились вслед за ним камень размером с бочку, который несся вниз по руслу, как по ледяной горке, подпрыгивая и набирая скорость, подминая ветви и разбрасывая по обе стороны веера грязи. Купец побежал, но ту же сообразил – по скорости от такого не уйдешь. Метнулся в сторону, застрял в густо растущих по берегу кустах, завоzilся, с трудом продавил ветки на поларшина. Камень прокатился мимо, обдав ветром и потоками воды пропотевшую под рубахой спину.

Афанасий попытался пробиться глубже в чашу, но дальше ходу не было, ошетилившиеся колючками наподобие терновых кусты гнулись, но не ломались, никак не желая пропускать русича. Он вернулся назад и вновь побежал по руслу, боком, стараясь держать в поле зрения и низ и верх, опасаясь, не устроят ли преследователи еще чего.

А те не заставили себя ждать. Всей гурьбой хорасанцы с трудом выкатили на гребень еще один камень, больше первого. Раскачав на раз-два-три, пустили вниз.

Камень понесся по желобу, подпрыгивая, разбрызгивая вокруг себя комья грязи, цепляя за собой росшие по краю растения. Афанасий выскочил из русла, подпрыгнул, уцепился за низкую толстую ветвь. Захрипел, с трудом подтягивая грузное тело, зацепился подбородком, втащил наверх одну ногу, другую. Поднявшись, уцепился за другую ветку, повыше. Перебрался на нее.

Камень пронесся под ним, с треском снес ветку, на которой он только что стоял. Волна поднятой снарядами грязи с ног до головы окатила Афанасия, забила рот, уши, глаза. Отплевываясь и оттираясь, он спрыгнул с дерева.

Но вот и поворот, который скрыл его от взглядов преследователей. Хотя теперь-то уже можно было пойти и другим путем. Спущенный сверху камень проложил в лесу такую просеку, что два всадника могут разойтись, не цепляясь стременами. Попал бы под такой – мокрого места не осталось бы. Что ж, можно и по просеке, все равно ничем уже его не достанут, пару верст он выгадал.

Но купец не стал искушать судьбу. Свернув, он быстро пошел по краю русла и вышел к дороге, сабельным шрамом пересекавшей пологий склон. Ручей нырнул под деревянный мостик, Афанасий же вышел на не сильно наезженную, узкую – одной телеге едва проехать – дорогу, прислушиваясь и приглядываясь к верхушкам деревьев. Если погоня за ним продолжится, то обязательно спугнет пичуг малых, над кронами густыми стаи поднимет.

Но нет, пока все было тихо, спокойно.

После грохота выстрелов лес затих, словно залечивая раны. Убегающая вдаль натоптанная дорога, ручей, мостик, голубое небо с барашками облачков. Если б не чудные деревья вокруг да не птиц странные голоса, можно было б подумать, что он дома, в родной Твери. Просто отошел чуть от города, в лес, а сейчас выйдет на Волгу, увидит плывущие по ней корабли, причалы, кремль на дворе белокаменный. Эх, хорошо бы так: раз, и дома.

Размечтался, одернул он себя. Сначала до побережья доберись, да на корабль сядь, только тогда можно будет начинать радоваться – и то тихонько, ведь еще два моря надобно проплыть. А вот интересно, куда впадает сей ручеек? Наверняка ведь в реку. А река течет к морю. Ну, может, не сразу, в еще одну реку впадает, а та в свою очередь в окиян. А в Бидаре есть река? Точно есть, но как называется, куда течет? Он попытался вспомнить, сориентироваться – и не смог.

Нужно было меньше увлекаться питием вина с Мехметом да одалисками его, а окрестности изучать, укорил он себя. Но от мысли пойти вдоль ручья не отказался, тем более, что за дорогой лес стал реже и идти можно было относительно спокойно. А вот по дороге могли и хорасанцы расхаживать. Даже если не те обиженные, предводитель которых так неудачно под слона сверзился, а другие, все равно – ну их...

Кряхтя, Афанасий сошел с дороги и вновь устремился вдоль ручья. Склон за дорогой был более пологий, и вода текла медленно, лениво покручивая на своей поверхности сорванные ветром листья. Уже перевалившее через зенит солнце пригревало сквозь раскидистые кроны деревьев.

Как же хорошо-то, когда ни от кого бегать не приходится, и никому по харе кулаком ездить не надобно, думал Афанасий. Только вот посошок бы срубить, так оно легче. На склоне каждый шаг начал отдаваться болью в раненом боку.

Ближе к вечеру он дошел до вытопанного места. Приглядевшись к следам, удивленно почесал в затылке. Круглые отпечатки копыт мешались со следами волчьих или даже медвежьих лап. По огромным ямам, оставленным слоновьими ногами, внахлест отпечатались четырехпалые следы крупных птиц. Следов же борьбы, крови и обглоданных костей видно не было.

Что ж тут у них? Договорились звери промежду собой на водопое не охотиться? Жить складно да ладно? Похоже. Но как же умища-то на такое хватило? Особенно у оленей безмозглых, да у кошек хищных, убийство у которых в крови. Он с содроганием вспомнил черного зверя, сеющего смерть направо и налево в устроенном Хануманом Колизее, и помимо воли перекрестился. Господи!

Звериные следы широкой полосой уходили вглубь леса, но дальше распадались на отдельные тропки. Копытные, а за ними и хищники шли в горы, слоны сворачивали к прогретой солнцем долине. Афанасий попробовал пройти чуть дальше по слоновьей тропе, может, там легче спуск окажется, но вскоре убедился, что для человека, да еще и не очень здорового, заказан путь, посильный даже маленькому слоненку. Не продрачься сквозь лес.

Он вернулся к ручью. Одна тропинка выделялась среди других. Широкая, удобная, проходящая по самым ровным, сколь хватало глаз, местам. Справа и слева от нее росли высокие деревья. Смыкаясь кронами, они давали прохладную тень. А вот следов на ней почему-то не было. Вернее, были, но едва заметные, что-то вроде царапин. От птичьих лап, что ль? Или поопасней кого? Кто знает, какие тут, в глухомани, чудища водятся...

С одной стороны, конечно, не стоит по дороге, коей мало кто ходит, идти. Но с другой – проще ж так. Для обессиленного и больного Афанасия это было особенно важно. Обреченно вздохнув, он поковылял по тропе. Поначалу шел с опаской, оглядываясь, ожидая нехорошего, но постепенно привык, успокоился, зашагал бодрее. Даже насвистывать стал памятную с детства мелодию.

Ближе к вечеру, когда он уже почти спустился в долину, ему показалось, что за ним следят. Недобрый, внимательный взгляд будто сверлил затылок.

Он обернулся, но никого не заметил. Постоял немного, прислушиваясь. Никаких подозрительных звуков, тишь да гладь и пение птичек. Снова стал спускаться – опять этот взгляд. Ему стало не по себе, ноги сами понесли быстрее. В кустах справа раздался шорох. Купец обернулся, выставив вперед отточенный конец посоха. Опять никого. Может, местный? Пошел в лес за дровами, увидел чужака, да решил разузнать, что за человек, зачем пришел. А сейчас в деревню побежит, подмогу звать.

Афанасий хотел было достать кинжал из ножен, чтоб, если что, быть совсем готову, да почему-то постеснялся. Побрел дальше, заложив палец за кушак, рядом с ножнами, и чуть сгибая ноги в коленях, чтоб сподручней было отпрыгнуть или броситься на врага. Только вот где враг-то? Вроде и тут, вроде и смотрит, а не поймешь где.

Кусты за спиной зашуршали, Афанасий оглянулся. Опять никого. Или мелькнуло что-то? Или морок? Он снова пошел, на этот раз быстрее, стараясь не обращать внимания на боль в боку и усталость.

Преследователь не отставал. Он шуршал в кустах то справа, то слева от дороги, но как бы быстро Афанасий ни оглядывался, заметить никого не удавалось. Наверное, все-таки не человек. Зверь? Но какой? Может, просто сбежавшая из деревни и заблудившаяся в лесу собачонка? А может, корова? Ну и плевать, что в сих местах она считается священной, подумал он, ощупывая рукоять кинжала. Надо б пугнуть. Остановившись, подобрал с земли суковатую ветку и швырнул туда, где последний раз померещилась ему неясная тень. Махнув рукой, продолжил путь, стараясь побыстрее добраться до возделанных полей, что виднелись сквозь густые кроны.

Преследуемый невидимым соглядатаем, Афанасий прошел еще версты две. Пот ручьями катился по спине, дыхание с шумом рвалось из легких, ноги гудели. В общем, можно было уже и о ночлеге подумать – огромное красное солнце низко висело над горизонтом, но останавливаться здесь, в поле зрения непонятого преследователя, не хотелось.

Опять шорох. Афанасий схватил палку и швырнул в кусты. Она ударилась во что-то живое, и в ответ раздался рык. Густой, низкий. Страх пригвоздил купца к месту, заставив вибрировать каждую клеточку его организма.

Трясущейся рукой тверич вынул кинжал и направил его острие в сторону, откуда пришел звук. В кустах завозилось что-то тяжелое. Листья затрепетали, захрустели ветки. Купец стал медленно пятиться. Нога его зацепилась за что-то, поехала.

Земля поддалась, открывая огромную яму. Он потерял равновесие, взмахнул руками, выронив кинжал, и опрокинулся в пустоту.

Ткань рубахи натянулась, затрещала, принимая на себя немалый вес купца. Его ударило спиной обо что-то деревянное и швырнуло лицом вниз. Удар о землю выбил из него дух. Голову и плечи засыпала подсохшая трава и обломки веток. Прежде чем последняя успела упасть на его голову, Афанасий вскочил, сжимая кулаки, и замер в изумлении.

Он стоял на дне большой ямы-ловушки, глубиной в три человеческих роста. В дно были воткнуты заостренные деревянные колья, один из которых, зацепившись за рукав рубахи, смягчил падение. Стены были гладкие, будто специально отполированные. Над головой зияло отверстие со следами порушенной им маскировки.

– Господи, на кого ж такую поставили? – вслух спросил Афанасий, оглядывая огромное сооружение. – На слона, что ль? Так они тут вроде не ходят. На того, кто в кустах шебуршал? Наверное, но тогда каких же он размеров?

Сверху раздалось... Нет, не рычание. Какое-то утробное мурчание. Навроде кошачьего, но басовитое, с хрипотцой. На краю ямы что-то заворочалось, вниз посыпались куски маскировки. Афанасий отпрыгнул подальше, больно ударился спиной о кол. Прижался к нему спиной, выставив клинок навстречу неведомой угрозе.

Над краем появилась огромная морда, отдаленно напоминающая кошачью, да не совсем. Черный нос, маленькие, прижатые к черепу уши, пронзительный взгляд желтых глаз под нависшими бровями, тяжелая нижняя челюсть. Длинные белые усы и черные полосы на рыжей шкуре.

Зверь приоткрыл пасть, обнажив желтые, кривые, огромные как сабли клыки, и снова издал то самое мурчание. Облизнул длинным розовым языком черные губы, оглянулся на что-то невидимое, опять посмотрел на купца и снова замурчал утробно. У Афанасия волосы на загривке встали дыбом.

– Поди! – заорал он и взмахнул кинжалом.

Хищник мягко поднялся на лапы и прошелся по краю, не отрывая от русича голодных глаз. Протянул огромную лапу, выпустив кривые острые когти. Так же пристально глядя на купца, прошелся в другую сторону, явив взгляду впалые полосатые бока.

Тигр?!

Афанасий слышал легенды об этих огромных страшных зверях, за один присест способных сожрать целую деревню. Или перепрыгнуть саженный забор с коровой в зубах. или разворшить крышу дома и, спрыгнув внутрь, добраться до прячущихся.

А яму-то, наверное, как раз для него и отрыли – глубокую да гладкую сделали, чтоб не вылез. Все же кошка, хоть и большая. И колья вкопали с большим промежутком, на счастье купца, эвон какая туша. Может, и хорошо, что он сюда сверзился, а то настиг бы его тигр в лесу, порвал бы точно, кинжалом от такого не отобьешься.

Хотя, оборвал тверич поток страшных мыслей, рычит-то он страшно, конечно, но ежели по размерам сравнить, так против нашего мишки бурого, похоже, не устоит. А на бурого люди и с одной рогатиной хаживали. Не все возвращались, то правда, но ведь бороли изредка. А ежели против белого, что из земель северных, где вечные снега, так и вообще кошка это драная.

Однако что делать-то? Ждать, когда зверь уйдет, и попробовать вылезти? Забраться на кол, как мужики на ярмарке за сапогами, да прыгнуть с него на край, пальцами зацепиться. Даже здоровый, в молодые годы, с трудом он смог бы совершить такое, а уж теперь-то... Остается только ждать. Вдруг охотники какие придут проверить, не попался ли полосатый? Да этого гада заодно прогонят, а то и застрелят? Или сам он уйдет, решив пообедать кем-нибудь более доступным?

Афанасий зло посмотрел на тигра. Тот улегся на краю, положив на лапы большую голову. На купца он глядел пристально, но как-то грустно, – вот, мол, еда-то, но видит око, да зуб неймет.

Меж тем смеркалось. Вопреки ожиданиям, тигр не ушел, просто прикрыл глаза. Но уши его все время двигались, чутко ловя любой шорох вокруг. Ноздри раздувались, втягивая в себя разнообразные запахи ночного леса. Судя по седым шерстинкам на морде, зверь был немолод. Тяжело ему уже было гоняться за зайцами и кабанами, вот он и решил выждать, когда менее подвижная добыча сама ползет в пасть.

Словно в подтверждение этой мысли, тигр рыгнул и завозился, удобнее устраивая голову на лапах. Тяжелый кошачий дух достиг ноздрей купца. Ну нет, брат, дырку ты от бублика получишь, а не Афанасия, подумал купец и удивился тому, как желчно звучат его мысли, аж во рту горько. За время путешествия он очерствел, стал жестоким. В мыслях и словах его часто проскакивали ругательства, чего раньше за ним не водилось. Он чувствовал постоянное раздражение и злость на всех окружающих, неважно, виновны они в чем или нет. Ведь, казалось бы, наоборот, столько всего интересного повидал, столько узнал полезного, сокровища, считай, добыл на безбедную старость, радоваться надо, а не нет. Может, история с Лакшми виновата? Тоже вряд ли. Дело пусть и недавнее, но прошлое, потерянного не вернешь, чего переживать-то? Наверное, это старость. Заканчивать надо с беготней, драками и прочим. Домой бы вернуться.

Меж тем, стемнело. Все растворилось в сумраке и только верхушки деревьев чернели на фоне звездного неба. Морило в сон.

Убедившись, что тигр прыгать в яму не собирается, Афанасий решил устраиваться на ночлег. Место выбрал подальше от края, над которым улегся зверь. Тот иногда шевелился в темноте, распространяя неприятный, острый запах, но попыток достать купца не делал. Умный, враг, понимал, что деваться Афанасию некуда. Ну да и черт с ним.

Купец нашел место посуше, свернулся калачиком. Прижал одной рукой ноющий бок, подложил кулак под голову. Закрыв глаза. Начал читать молитву. По памяти и пропуская половину слов. Добраться смог только до середины – провалился в тяжелый, без сновидений, сон.

Утро застало его в той же позе. Проникающие на дно ямы лучи солнца погладили лицо, трели перепархивающих с ветки на ветку птиц разбудили, отогревшиеся от ночной прохлады гады зашуршали вокруг. Афанасий протер глаза, сплюнул накопившуюся за ночь во рту горечь. Посмотрел на тигра.

Старый зверь так и лежал на краю ямы, положив голову на лапы. Не сдох ли часом, мелькнула надежда. Нет, увы. Вон, ушами шевелит, прислушивается. Неужели даже воды попить не отлучался? Афанасий почесал в затылке.

Вот об этом-то он и не подумал. Места тут водой были обильные, что ни шаг, то ручеек, потому водой он не запасался. А пить уже хотелось. До вечера он еще как-то выдержит, а потом что делать? А потеешь на этой жаре сильно. Надо что-то придумывать.

Он попытался зачерпнуть горсть земли, чтоб швырнуть в зверя, но та рассыпалась на мелкие комки. Подступился к колу, чтоб вырезать из него длинную палку и заточить на манер копья, а может, и кинжал на конец привязать. Попробовал сделать несколько зарубок. Кол оказался выстроган из крепкого, обожженного на костре дерева. С таким возиться до следующей ночи, а толку может и не быть. А если попытаться вырезать якорь и, распустив веревку,

на которой подвешены мешочки, попытаться забросить на ближайшее дерево? Коротковата. Да и как вылезать? Подставить беззащитные руки и голову под зубы большой кошки, которая только того и дожидается? На, мол, жри с потрохами? Представив себе эту картину, Афанасий поежился. Так ничего и не придумав, он уселся на дно ямы, обхватив голову руками.

Странный шум привлек его внимание. То ли скрип, то ли лязг. Что-то в нем было, но знакомое. Раз он тот звук услышал, то тигр и подавно. Зверь повел ухом, поднял голову, втянул ноздрями воздух, зашипел, как облитый водой банный камень, и, пружинисто вскочив на все четыре лапы, исчез из виду. У Афанасия от радости захватило дух. Это был звук катившейся телеги, да не одной. Купец хотел закричать, но из пересохшего горла вырвался лишь задушенный хрип. Он поворочал языком, набирая немного слюны, облизнул губы. Приложил ладони трубочкой ко рту и заорал по-русски.

– Эй! Эге-гей! Люди добрые! Сюда! Тута я!

В яму посыпались стебли пожухшей травы. Над краем появился наконечник копья, а следом за ним – бородатая физиономия. Афанасий запрыгал возбужденно. Он никогда не думал, что будет так рад видеть хорасанского воина.

Глава вторая

На счастье Афанасия, отряд хорасанцев был не тот, что лишился начальника во время облавы. Потому, осмотрев узника ямы и убедившись, что он не вооружен, не индус и вообще никакой опасности не представляет, воины кинули ему веревку. Вытащили страдальца из тигриной ямы, дали напиток и позволили идти с собой. В Бидар!

Насколько понял купец, отряд сопровождал в столицу собранную по окрестным селам дань за довольно большой промежуток времени. Хорасанцы вымели все подчистую. Одежду курганами свалили на телеги, примяли клетками с курами и гусями. К задам привязали грустных, едва переставляющих ноги свиней и коров, не обращая внимания на их священность.

Отряд состоял из двух дюжин суровых, молчаливых воинов в укрытых под широкими накидками кольчужных доспехах, нескольких писцов, обмотанных свитками, как мумии египетские, да начальника, большого любителя поговорить.

Оказалось, что был он в подчинении Мехмета, в бытность того верховным мытарем² Хорасана в индийских землях, потому иногда разрешал Афанасию идти рядом, держа за стремя, при условии, что тот будет рассказывать ему о совместных с Мехметом приключениях. Ослабшему купцу и то было в подмогу, потому он с охотой рассказывал, как отбивались они с визирем от разбойников, как убегали от злобных карликов-людоедов, как пробирались вплавь через тоннель, промытый в скале бурной рекой, спасаясь от ядовитых змей.

Воевода цокал языком, качал головой, всплескивал руками и все время возносил хвалу доблести и находчивости Мехмета. Просил заново пересказать особо яркие моменты с его участием. В конце концов Афанасий даже почувствовал укол ревности, ведь он-то знал, кто на самом деле был героем всех этих битв и походов, а кто просто шел следом.

Через неделю пути, когда потянулись по обочинам первые тростниковые хижины Бидарских посадов, начальник вдруг посерьезнел лицом и, сославшись на дела, увел отряд вперед быстрым шагом, которого Афанасий выдержать не смог.

Что ж, купец понимал: опытный чиновник, надеющийся продвинуться по службе, должен вести себя именно так: и доброму путнику, знакомства имеющему, помощь оказать, и общением с ним себя не замарать, если тот окажется лазутчиком либо обманщиком. Ведь никаких доказательств, что он друг Мехмета, купец не представил. Ни подарка, ни грамоты.

Заночевал Афанасий в лесу, среди оборванцев, не успевших засветло дойти до стольного града. Поскольку денег и ценностей у него не было, спал он без особой опаски, а проснувшись наутро, чувствовал себя гораздо лучше, чем когда-либо за все последние дни. Потянулся, зевнул, украдкой перекрестив рот, и на легких ногах отправился к главным воротам виднеющегося на холме города.

Внутри столицы вливался широкий поток спешивших на базар крестьян с дарами своих земель, воинов-наемников, торговцев с повозками и кутылями на горбах, жалобщиков, надеявшихся доискаться правды у хорасанских властителей, и искателей приключений всех мастей. Из ворот вытекал узкий ручеек обнищавших торговцев, не сумевших сбыть товар, не доиславшихся правды, в пух проигравшихся и прочих неудачников. Все столицы мира жестоки к непрощеным гостям.

Афанасий пристроился в длинную очередь, столпившуюся перед воротами. Дородные стражники в доспехах с длинными саблями в ножнах. Собирали с пришедших входную пошлину. С пеших монетку медную, с конных – две, а с торговцев драли серебром.

У Афанасия монет не было вовсе, и на что он рассчитывал, он и сам не знал. Не разжалобить же стражников, в самом деле? Они таких проходимцев сотнями за день видели и

² Мытарь – сборщик податей.

большинство отгоняли зуботычинами. А тех, кто хотел быть хитрее хитрого, вылавливали под грудями товара в чужих телегах, вытаскивали из-под попон лошадей, куда те умудрялись спрятаться, и из иных мест. Тут же быстро, но умело избивали, со вкусом ломая ребра подкованными сапогами.

Но выхода у купца не было, потому он обреченно семенил, пристроившись за крупом понурой лошади, которую вел под уздцы потрепанный хорасанец в выцветшем халате, обильно потевший, но халат снимать не желавший. Похоже, одежды под халатом вообще не было, а если и была, то являть ее народу было стыдно.

– Что ж за столпотворение такое? – вслух подивился купец.

– Улу байрам³, – бросил его сосед через плечо. – Праздник великий.

– А-а-а... – протянул Афанасий. – Кому праздник, а кому...

– А ты какой веры? – хорасанец подозрительно сощурил глаза.

– Веры-то? – замялся Афанасий. – Ну... Так это, веры-то я... Так мухамеддиновой, – вспомнил купец, но было уже поздно. Рука хорасанца потянулась к рукояти висевшей на поясе сабли.

– Не задерживай! – рявкнул стражник.

Хорасанец вздрогнул, схватил лошадь под уздцы и поспешил в ворота.

Наконец дошла очередь и до Афанасия. Стражник, не глядя, протянул волосатую руку. Удостоверившись, что в нее ничего не упало, недоуменно поднял глаза. Прежде чем Афанасий успел открыть рот, стражник коротко стукнул его под ребра кулаком, отчего у тверича перехватило дух, ухватил за ворот рубахи и сдернул с дороги в сторону. Чтоб не упасть, Афанасию пришлось опереться о стену. Было больно, но не обидно – такая уж у стражника работа. А ежели он с каждым недотепой объясняться будет, задние до ночи в город не попадут.

Однако что ж делать-то, думал он, потирая ноющие ребра. Попробовать наняться на работу к кому? Да какой из него работник? И вокруг города наверняка желающих больше чем надо. Идти куда-то подальше от столицы, поработать там и вернуться? Вряд ли в других местах намного лучше, да и сил уж нет. Хоть прямо тут ложись и помирай. Так вот посреди толпы, при всем честном народе. И дела до тебя никому не будет.

Афанасий в отчаянии закусил кулак, чтоб не разрыдаться, не завывать волком. Повернулся и сполз на корточки возле прогретой солнцем стены. Чтоб хоть как-то отвлечься, достал книжицу Михаила, в которую аккуратно вставил листы, на коих писал, пока был с ней в разлуке. Достал уголек, чтоб виденное запечатлеть, да и оцепенел с занесенной рукой.

Дикий рев труб заглушил гомон у ворот. Люди зашумелись, стали показывать пальцами, толкая друг друга, старались забраться повыше. Стражники, перехватив копыа поперек, начали сталкивать ими на обочину всех без разбора. Афанасию пришлось спрятать записки и подняться, чтоб не затоптали. Шум нарастал, приближаясь. Стали различимы топот слонов, трели дудок, причудливо вплетающиеся в басовитые рулады, яростная брехня собак.

Из ворот показался первый слон. Купцу даже не пришлось привставать на носки, чтоб лучше видеть поверх голов. Увиденного хватило, чтоб он снова достал книжицу и принялся писать торопливо, теряя окончания слов и пропуская буквы: «На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, облаченных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю⁴, а на шее – огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком – им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе,

³ Улу байрам – один из главных ежегодных мусульманских праздников.

⁴ Кентарь – мера веса, более трех пудов.

да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султана кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак⁵ золотой с яхонтами, да три сабли на нем, все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом⁶ поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет его коней и людей, чтоб к султану не подступали близко.

А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка – золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум⁷ сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А иные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт».

Процессия свернула на тянущуюся вдоль стены дорожку и под крики людей и рев труб медленно двинулась вокруг города. Афанасий сунул книжицу за пазуху и бочком, бочком стал протискиваться к воротам. Поравнялся со стражниками. Убедился, что те поглощены разглядыванием султанских одежд. Затаив дыхание, сделал маленький шагок назад. Еще один. И еще. Юркнул в отбрасываемую стеной тень. Заскочил за угол выступа надвратной башни, прижимаясь спиной к стене. Сделал два десятка приставных шагов и, увидев напротив себя устье улочки с глухими стенами, метнулся в нее. Пробежал, сколько позволяла нарастающая боль в боку, перешел на шаг, потом и вовсе остановился, тяжело дыша и обливаясь потом. Но на лице его играла радостная улыбка, – он был в городе.

Только вот куда теперь? Он взгляделся в узкие улочки, что, петляя, разбегались вверх от площади. Вправо? Влево? В доме Мехмета он гостил долго, да своими ногами туда не хаживал. Либо в повозке ехал, либо на лошади, и не отсюда, а от дворца Мелик-ат-гуджара. Да с разговорами все, по сторонам не глядячи. Ладно, корить себя бесполезно, нужно к дворцу добраться, благо вон купола его над домами видны. А оттуда уж попробовать дорогу вспомнить.

Вздохнув от сознания, что придется из-за лениности своей пару лишних верст прошагать, он свернул в немощеную улицу. Как и во многих жарких городах, выходящие в нее стены были глухие, без окон, чтоб не пускать внутрь полуденный жар. Стояли они так близко, что солнце не могло заглянуть на самое дно улицы, отчего и воздух внизу оставался прохладным, и утоптанная земля не обжигала ног через дыры в обуви, хоть и не холодила. Идти было легче.

Вертя головой, Афанасий удивлялся, как изменился город за время его полугодового отсутствия. Обычно шумный и базарный, теперь он притих, обезлюдел. Редкие встречные мужчины глядели настороженно, у большинства на поясе открыто висели ножи и кинжалы, хотя раньше их предпочитали прятать за пазуху. Женщины, когда-то щебетавшие под своим платками на всех углах, вели себя заметно тише. Дети перестали орать и носиться как угорелые под ногами у взрослых. И даже базар на главной площади торговал без бывшего задора, вполнакала. Торговцы, ранее дравшие глотку до хрипоты, ныне лишь вяло покрикивали, больше для порядка. А завидев вооруженных людей, смолкали вовсе. Простые горожане спешили убраться с их дороги. Окна закрывались ставнями при их приближении, двери с грохотом запирались изнутри тяжелыми засовами.

А воинов было немало. Парами, тройками и целыми отрядами они бродили по городу, словно что-то высматривая и вынюхивая. Заглядывали в переулки и стучались в двери. Но им никто не открывал.

⁵ Саадак – набор, состоящий из лука в чехле и колчана со стрелами.

⁶ Теремец – здесь: парадный зонтик.

⁷ Махдум – господин.

Что за напасть такая, думал Афанасий. Не было ведь раньше такого страха, жители запросто беседовали с вооруженными людьми, будь то городская стража или ханская армия. Приведали в чайханах, товар им продавали. А сейчас все готовы дать стрекача, как почуявшие волка зайцы.

Вывернув из слепой, безликой улицы на очередную площадь, он понял, в чем тут дело. На утоптанной земле, прямо на солнцепеке сидели мужчины всех возрастов. Лет от пятнадцати до сорока пяти примерно. Они пугливо и ненавидяще смотрели на окружающих их воинов, а скорее уже и стражников, с оружием наголо.

Рекрутский набор, значит? Чесом прошлись армейские по городу, собирая всех, кто может держать оружие. И на знатность не взирали, отметил про себя купец, разглядывая нагольные халаты бедняков и справные одежды ремесленников, голые, мозолистые от постоянного хождения босиком пятки и кожаные сапожки, пожелтевшие от пота чалмы в три оборота и роскошные головные уборы с брошами из драгоценных камней.

Вокруг сидельцев метались женщины в паранджах и хиджабах. Проскакивая между охранниками, они совали в руки мужьям и сыновьям котомки с хлебом, кувшины с водой, узелки с одеждой. Им стражники не препятствовали, но если кто из мужчин пытался встать из круга, тут же награждали его увесистым пинком или ударом копейного древка под дых.

Иногда из боковых улиц появлялись новые отряды стражников, ведущие рекрутов. Некоторые рекруты шли, обреченно склонив голову. Их лишь изредка подталкивали в спину, больше для порядка. А некоторые рвались из цепких рук – таких били нещадно. Кулаками, ногами и наверхиями сабель. Некоторых просто волокли по земле, уже беспмятных. Дотащив, брали за руки и за ноги и бросали в круг на раз-два-три. Специально, чтоб новобранец плашмя грохнулся на спекшуюся в камень землю. Вокруг каждого ведущего пленников отряда крутились несколько женщин, подвывая по-собачьи и хватая стражников за шаровары. Их тоже били, но не так сильно, как забираемых в армию.

Наткнувшись на колючие взгляды вооруженных людей, Афанасий возблагодарил бога за то, что за время путешествия осунулся, похудел, оброс чуть ли не до глаз и выглядел оттого лет на двадцать старше. Иначе и ему было не миновать такой участи. Просто так он бы, конечно, не дался, но смог бы сопротивляться долго? Сумел бы сбежать? Да кто их знает, и убить ведь могли особо ретивые. Сплюнув через левое плечо от греха, он заспешил к недалекому уже дворцу Мелик-ат-туджара.

Хотя «заспешил», наверное, не то слово. Бок опять разболелся, ногу он приволакивал, появилась боль в спине и руке, которой он опирался на посох. В голове мутилось от жары и недосыпа.

А может, ну его, не ходить уж к Мехмету? Попробовать вломиться прямо во дворец? Представившись знатным чужеземцем, другом визиря, кинуться в ноги, помощи испросить? А лучше даже послом Тверского княжества, с важным поручением отправленным во владения Мелик-ат-туджара да пограбленным в дороге? А может, еще как купеческая смекалка подскажет, но добраться и испросить помощи. Плевать на гордость, на спину согбенную, на все плевать, только бы выбраться из этой проклятой Индии!

Афанасий почувствовал, что скатывается в пропасть зла и отчаянья, откуда не видно света божьего. Остановился, перекрестился и побрел дальше, через пень-колоду вспоминая строчки молитвы для очищения души от скверны.

Бормоча себе под нос, миновал справные, без украшений дома лавочников, ремесленников и мелких торговцев. Углубился в лабиринт дворов горожан средней зажиточности. По возможности быстро миновал роскошные хоромы за высокими заборами. Хорасанские визири, а особенно их отроки, как, впрочем, и боярские детки на Руси, иногда любили подшутить над одинокими небогато одетыми путниками. Собаками потравить или из лука пострелять в спину бегущему человеку.

Широкими улицами вышел он ко дворцу Мелик-ат-гуджара. Прошелся вдоль высоких стен без зубцов. Остановился, рассматривая издали из-под насупленных бровей шахскую стражу. Высокие, мускулистые, с внимательными, цепкими взглядами. В медных доспехах, с не раз побывавшим в боях оружием. Это были не привратные олухи, а серьезные воины, испытывающие гордость за свое дело и страшющиеся ответственности. Ведь что случись, тут же с плеч голову снимут. Этих на кривой козе не объедешь.

– Здравствуй чужестранец. Велик шахский дворец и попасть туда непросто, – прошеле-стел старческий голос.

– А тебе что за дело? – грубо спросил Афанасий, оборачиваясь и глядя с высоты своего огромного роста на сухонького старичка в выгоревшем на солнце тряпье. – И откуда ты знаешь, что я не из этих мест?

– Видел тебя с Мехметом, великим воином, чье имя наводит ужас на все окрестные земли, – отшатнулся старичок, опаленный огнем ярости, вспыхнувшим в глубоко ввалившихся глазах купца. – Да и слышал о тебе рассказы. Сам я при конюшне его состою, ухаживаю за лошадьми прекрасными, отчищаю их копыта от грязи. Вот! – в подтверждение он достал откуда-то из-под одежды длинную тонкую спицу и сделал ей пару ковырятьельных движений.

– И? – насупился Афанасий, не понимая, к чему клонит его собеседник.

– Если пожелаешь, отведу тебя в дом Мехмета, что роскошью своей дворцам иных правителей не уступает, велю... Ну, попрошу слуг накормить тебя кушаньями вкуснейшими и напоить водой ключевой. А скоро и уж сам визирь вернется. Не дольше нескольких дней продлится его отлучка.

– Нешто я сам до дома Мехмета не дойду? – спросил Афанасий, проникшись к старичку подозрением, слишком уж добр да отзывчив, на ровном месте помощь предлагает.

– Мог бы, сразу пошел, а не по улицам людным да опасным кружить стал, как до того делал. Да и дойдешь если, стража надежная вряд ли тебя внутрь пустит?

– И то верно, – купец призадумался, запустив пятерню в спутанную бороду. Был он в доме Мехмета давно, пообтрепался с тех пор, спал с лица. Стражники вряд ли тепло встретят бродягу, утверждающего, что он друг великого визиря. И бока намять могут. С провожатым же, хоть и таким – он еще раз окинул взглядом хлипкую фигуру конюха – шансов оказаться внутри, получить миску похлебки и топчан, чтоб прилечь, гораздо больше. А может, и лекаря позовут? Да хоть бы и коновала с конюшни...

– Что ж, пойдем, – пробормотал Афанасий. – Только если что, если к разбойникам выведешь, или иную подлость затеешь, пощады не будет, – он покачал перед носом старика огромным кулаком с выступающими подобно шипам булавы костяшками. – Понял?

– Что ж в том непонятного, господин, – снова втянул тот голову в плечи. – За мной пожалуйста.

Он повернулся на пятках и легко зашагал в том направлении, откуда пришел Афанасий. Купец догнал его не без труда и пристроился рядом.

– Слышь, мил человек, – спросил он, – а чего это ты ко мне добрый такой? Зачем меня проводить решил?

– Если сиятельный Мехмет узнает, что повстречал я его друга и не помог, он меня, ничтожного, в бараний рог скрутит, – пожал плечами старик. – А если узнает, что помог, награду может мне какую даст или работу другую. Тяжело мне на старости лет в наклонку целыми днями трудиться. А коней в конюшне у него пять десятков, и каждому нужно копыта почистить, проверить, чтоб все гвоздики в подковах на своем месте были. Спина к вечеру деревенеет от такой работы, а утром не разгинается. А жеребцы все сплошь норовистые, каждый лягнуть норовит или укусить. А переведет он меня хоть на кухню, хоть в свои покои за постелью следить, там я смогу век свой дожить. В покое и сытости.

– Тоже верно, – согласился Афанасий.

А дед не так прост и хорошо изучил характер своего хозяина, думал купец, с трудом поспевая за старичком. Эх все-таки он устал и ослаб, если с таким дедушкой в ходьбе состязаться не может. Хотя не так уж и медленно они идут. Странный какой-то он. Ненастоящий. Будто актер в балагане. Будто не сам груз лет несет, а изображает, что несет, чуть переигрывая.

Вот ведь злоба человеческая, оборвал себя Афанасий. Человек помощь предложил, а я, окромя худого, ничего о нем не думаю. Прости, господи.

Миновав несколько улиц, застроенных особняками за высокими заборами, они вышли к знакомым воротам. Афанасий еще раз мысленно поблагодарил старика. Сам он, даже если бы выбрал от дворца верное направление, до сих пор плутал бы в малознакомых улицах. А чем это могло закончиться – о том и думать не хотелось.

Старик уверенно подошел к воротам и постучал в них кулаком. Словно кто-то ждал его – в створке с лязгом открылось маленькое окошечко. В нем показался черный глаз под тонкой выщипанной бровью.

– Открывай! Видишь, гостя веду, – сварливо бросил старик.

С той стороны загрохотали замки, створка – не с окном, а другая – медленно распахнулась навстречу путникам. Сделав приглашающий жест, старик юркнул внутрь. Афанасий прохромал следом. Двор не сильно изменился с тех пор, как купец был тут в последний раз, однако кое-какие новшества имелись.

В центре появился фонтан, выложенный красным мрамором, на который невысокие струи воды зайчиками отбрасывали поломанные солнечные лучи. Свежепосаженные деревья в два ряда были через одно подстрижены кубами и сферами. Под ногами переливалась разноцветным узором плитка из итальянских земель. Однако разбогател Мехмет за это время. Неужели таки разграбил Джуннар или отщипнул себе от шахской казны долю немалую?

Все эти мысли пронеслись в голове Афанасия, пока молодой стражник в белоснежной накидке, со свежим как у девушки, даже, кажется, чуть подкрашенным лицом, словно облизывал Афанасия взглядом маслянистых глаз.

– Чего вылупился? – рявкнул на него старик. – Не видишь, устал человек с дороги? Поиздержался.

Стражник в ответ лишь пожал плечами и опустил очи долу. Афанасий мельком заметил, что невдалеке, рядом с прислоненным к стене копьём сидит еще один, тот вообще глаз не поднимал, голова его медленно раскачивалась из стороны в сторону, будто в такт слышимой им одним музыке.

– Чего это с ними? – спросил Афанасий, коему снова пришлось рысить за стариком, стремглав пересекавшим двор.

– Гашиша наелись, – прошипел старик змеей. – Распустились тут совсем, пока хозяина нет. Вот уж он приедет, так покажет им.

– Тебе-то чего? Ты ж конюх, твое дело лошади. А со стражниками пускай их начальник разбирается, – удивился купец.

Старик лишь неопределенно махнул рукой и повел Афанасия мимо парадного крыльца. Сверху на него уставились еще два стражника, тоже с маслянистым блеском в глазах. Так же как и те, у ворот, они даже не сделали попытки остановить его или хотя бы спросить старика, что за оборванца он привел. То ли дед тут в большом почете, то ли воины слишком глубоко погрузились в мир собственных грез. Да, за такую охрану палками бы по спине надо, подумал Афанасий.

Свернули за угол. Перемены коснулись не только переднего двора. За домом появилась баня на манер римских терм, с увитыми зеленью колоннами и квадратным бассейном посередине, в котором сейчас никто не купался. Рядом беседка с ажурными стенами, откуда можно пройти прямо в бассейн по увитым зеленью мосткам. Чуть поодаль, за невысоким забором, новая конюшня стоял на пятнадцать, с покрытой ярко-оранжевой черепицей крышей. Кухня

– навес без стен, с разнообразными печами внутри и трубами наверху. Дальше еще какие-то постройки – не то курятники, не то дома для прислуги. Все добротное, из крепкого дерева и обожженного кирпича. Да, Мехмет, справное хозяйство завел.

Следом за стариком Афанасий пришел к невысокому, в один этаж, сарайчику без одной стенки. В нем хранились запасы сена для лошадей.

– Ну вот, тут пока побудь, господин, а я принесу чего поесть и умыться. И лекаря позову, пускай он тебя осмотрит. Только уж не обижайся, быстро не получится, ноги не поспевают.

Последних слов старика Афанасий уже не слышал. Упав лицом в щекочущее, пахнущее чужой землей сено, он смежил веки и провалился в сон.

Казалось, не прошло и мгновения, как он открыл глаза. Кто-то так сильно тряс его за плечо, что боль отдавалась в боку, паху и натруженной ноге. Отмахнувшись, он снова зарылся лицом в колкую траву.

– Осторожней ты, шайтан, с такой-то силищей!

Знакомый голос пробился сквозь завесу густого сна, потянул за собой. Тряска усилилась. Поняв, что отогнать навязчивое видение не удастся, русич открыл глаза, перевернулся на спину.

– Мехмет?! Мехметушка! Друг!

– А то? – улыбнулся визирь. – Ты давно тут?

– Да вот только прилег, веки смежил, а тут уже трясут.

– Не соврал, значит, – улыбнулся Мехмет.

– Кто? – вопросительно поднял брови Афанасий.

– Да конюший. Я в ворота въезжаю, а он бросается к стремени, молвит. друга твоего встретил, пока отвел на сеновал, чтоб переодеть, помыть и в порядок привести, прежде чем в палаты вести. Не вели казнить.

– А ты?

– Я как услышал про друга, сразу понял, что это ты, Афанасий, из странствий вернулся. И бегом сюда, конечно – Мехмет покосился на сафьяновые туфли с загнутыми носами и каблуками, уже запятнанные навозом. Вздыхнул. – Думал, они тебя тут уже пару дней держат, боятся, что ковры в доме загадишь.

– Да не, только вот привели, хотя, – Афанасий взглянул на клонящееся к горизонту солнце, – пару часов, наверное, я проспал. А может, и пару дней. Совсем дням и месяцам счет потерял в чащобах ваших. Кстати, деду твоему спасибо большое сказать надо. Сам меня узнал, сам предложил до дома твоего проводить, уложил, еды и питья принес, – купец мотнул головой в сторону табурета, на котором стояла миска с фруктами, на деревянной тарелке лежали несколько лепешек стопкой и высился тонкогорлый кувшин. – Лекаря обещал. Ты уж не обидь старика, награди чем. А то у меня-то ничего и не осталось, почитай.

– Конечно, награжу, не сомневайся, – блеснул Мехмет белоснежными зубами. – А сам-то как? Что богатства не нажил, сам вижу, а что искал, нашел? – спросил он, помогая Афанасию подняться на ноги и подставляя литое плечо, затянутое дорогой парчой.

– Нет, напрасны оказались мои поиски, – ответил Афанасий, сам не понимая, зачем обманывает друга и радуясь, что вынул мешочки с булатным зельем из заплечной торбы и перевязал на пояс, под одежду. – Кроме болезней да ран, не несу обратно ничего.

– Да, грустно. Ну, ничего, потом расскажешь. Сейчас мы тебя в нормальную мыльню сведем. Одежду подходящую подберем. Если захочешь, гурий прекраснотелых предоставим в любых количествах. Какой ты худой стал! – удивился Мехмет, ощупывая тело Афанасия сквозь едва прикрывающую его рванину. – И поесть чего-нибудь, естественно.

– Спасибо, друг дорогой, – выдохнул Афанасий. Голова его закружилась, ноги подкосились.

– М-да, – Мехмет поддержал друга за плечо. – С гуриями повременим. Полежать тебе надо. Отдохнуть. А это что? – он посмотрел на заскорузлое пятно на одежде Афанасия. – Ты ранен никак?

– Есть немного, достал враг один заморский. Да зажило уже почти.

– Да уж вижу, как зажило. Гноем все сочится. Вонюща. Оттого и жар у тебя, и слабость. Ничего, лекарь у меня есть хороший, чуть не перерубленных от плеча до пояса на ноги ставил.

– Слава Богу, не дошло до этого, – улыбнулся Афанасий. – Ну, куда идти лежать-то?

– Пойдем. Да гордись, сам визирь на руках понесет, – засмеялся Мехмет, вновь подставляя плечо.

Поддерживаемый им Афанасий, прихрамывая, проделал обратный путь до парадного крыльца. Во дворе переминалась свита, конников человек двадцать да арбы с поклажей, не зная, что делать. То ли дожидаться, когда снова двигать в поход, то ли уже отдыхать наконец? Без приказа визиря никто не отваживался хотя бы слезть с коня. Только особо смелые воины расстегнули ремешки островерхих шлемов да ослабили завязки коротких плащей.

Мехмет взмахнул рукой – отдыхайте мол, сам же повел Афанасия к ступеням. Ушлый конюх подскочил с другой стороны, поднырнул под мышку, повлек вверх. Сильный дедуля, подумал Афанасий, чувствуя, как перекатываются под одеждой старичка маленькие, но словно вырезанные из дерева мускулы.

На верхней площадке они немного задержались, пока нерасторопные стражники открывали ворота. Мехмет ничего не сказал, только зыркнул недобро. Кто бы другой мог от таких взглядов и со страху помереть, но стражники как-то вроде даже и не заметили вспыхнувшей в черных глазах визиря ярости. Правда, что ль, гашишем так злоупотребили? А вдруг опоены чем? Афанасий по простоте душевной хотел указать на это другу, но старикашка споткнулся, его локоть пребольно врезался купцу в ребра чуть повыше раны. Купец скрипнул зубами от боли, мысли его сбились.

Темным, без окон, коридором они прошли в светлую комнату – с окнами, но без рам, только с кисейными занавесками. Там сидели на подушках несколько скучающих молодых людей с тигриной статью. Завидев Мехмета с гостями, они встали на ноги, тоже совсем не так резко, как, по мнению купца, должны были.

Не обращая на воинов никакого внимания, даже не поприветствовав кивком, визирь провёл едва переставляющего ноги Афанасия к нише в стене, завешенной полупрозрачной материей. Откинул полог – почти все пространство ниши занимала огромная кровать с кисейным балдахином на резных столбах. Дав знак старику придерживать голову, осторожно, как младенца, уложил тверича на белоснежные простыни, кинжалом с золотыми насечками на клинке вспорол грязную одежду, сорвал и комом швырнул ее в угол. Поморщился, приняв на себя идущему от раны гнилостному духу. С интересом глянул на завязанную поперек голого тела веревочную петлю с притороченными к ней мешочками.

– Не соврал ли ты мне, старый друг? – подозрительно прищурился он. Так и не сошедшая с тонких губ улыбка стала напоминать волчий оскал.

– Не такой уж и старый, – попробовал отшутиться купец. – Просто устал немного.

– А это вот что? – Мехмет кончиком кинжала подцепил веревку, наискось пересекающую грудь Афанасия с выпирающими ребрами.

– Да так... Порох... Снадобья кое-какие, – ответил купец, ежась от прикосновения к телу холодной стали.

Занавеска откинулась, в комнату сунулся востроносый лекарь с объемистым мешочком в руках, в котором позвякивали какие-то склянки. От него шел крепкий дух чабреца и камфары. Мехмет, не глядя, махнул в его сторону кинжалом. Птичья голова лекаря исчезла.

– Ты все-таки нашел, что искал – даже не спросил – констатировал визирь.

Афанасий взглянул в лицо друга. За то время, пока они не виделись, Мехмет погрузнел. Медальные черты лица исказила ненужная одутловатость, в бороде появились серебряные нити. Но в глазах по-прежнему горел жаркий огонь воинской доблести, приправленной теперь отблеском холодной жестокости государственного деятеля. Запираться было не только бессмысленно, но и опасно. Вздернутыми бровями он указал на старика, замершего, как гончая, что почувствовала рябчика, и обратившегося в слух.

Мехмет бесцеремонно толкнул деда в плечо. Тот качнулся, но устоял. Удивительное дело, визирь был далеко не хилого десятка, а старик...

Сообразив, что в следующий раз может получить и удар кинжалом под ребра, конюх выскочил из ниши. Далекое, правда, не отошел, остался маячить за занавеской.

– Не хотелось при нем говорить. Станный какой-то, – пробормотал Афанасий, всеми силами стараясь, чтоб Мехмет ему поверил. – Нашел я снадобье, что железо обычное в булат превращает. Хотя не могу сказать, что делает его уж прямо таким чудесным, как про то сказывают.

– Ну вот, и нечего мне врать. – широко улыбнулся Мехмет.

– Так говорю ж, не хотел при посторонних.

– Ладно, ладно, верю, – усмехнулся визирь. – Теперь домой можешь победителем возвращаться. Знал я, что все получится. Рад за тебя дружище, искренне рад! – пророкотал он. В голосе визиря прозвучала неподдельная искренность. Но вдруг на лицо его будто набежала грозная туча, меж бровей залегла суровая складка. – Где нашел, из чего делается оно, как используется? – спросил он резко и холодно.

Афанасия кольнуло в бок. Он прижал ладони к животу.

– Расскажу, все расскажу, только рану бы мне промыть, да замотать чем, – пробормотал он слабым голосом, хоть и несколько притворно. Бывало, скручивало и похуже, но ему хотелось избежать неприятного разговора, по крайней мере хотя бы немного его оттянуть.

– И правда, чего это я? – пожал плечами Мехмет и снова улыбнулся. – Эй, Абу! – крикнул за занавеску.

Доктор, будто ждал прямо за занавесью, тут же сунул голову в комнату.

– К этому больному с особым вниманием отнесись, понял?

Тот кивнул, юрким зверьком подскочил к кровати и начал выкладывать на стоящий рядом столик многочисленные скляницы и горшочки.

– Ну, вы тут лечитесь, а я пойду пока, делами займусь, что за время моего отсутствия накопились, – Мехмет ободряюще похлопал горячей ладонью по безвольной руке Афанасия и вышел за полог, велел стражникам никого, кроме лекаря, к купцу не пускать. Вообще никого. Афанасий хотел сказать ему вслед слова благодарности, да не успел. Доктор поднес к его носу остро пахнущую скляницу, и мир в глазах купца померк.

Глава третья

Сколько проспал Афанасий, он не помнил. День, два, а может, и больше. Наверное, больше – рана к его пробуждению уже основательно затянулась. Хотя, вероятно, причиной было не время, а искусство доктора, который вычистил гной, стянул края суровой ниткой и залил вонючим, но явно целебным снадобьем. Вместе с болью ушли жар и недомогание. Дело явно пошло на поправку, однако молчаливый лекарь заставил купца еще несколько дней проваляться в постели.

Почти выздоровевшему Афанасию было скучно. Ни с лекарем, ни тем более со стражниками, сидевшими в дальнем углу большой залы, особо не поболтаешь. Иногда захакивал старик-конюх, приносил то кувшин с питьем, то свежих тряпич на перевязку, но тоже много не говорил, видать, боялся потерять с таким трудом обретенное место.

Мехмет заходил часто, садился рядом, просил рассказать о приключениях в Парвате и городе обезьянцев. Слушал рассеяно, рассказ о взорванном дворце и зубастом чудище, чуть не утачившем Афанасия на илистое дно, пропустил мимо ушей. Схватка с Хануманом его заинтересовала, но по-настоящему он оживился, только когда речь зашла о тяжелых пушках, о булатной стали, о секретахковки. Просил пересказать, задавал уточняющие вопросы.

Однако после завершения рассказов визирь почему-то мрачнел. То вскакивал, принимаясь мерить шагами маленькую комнату, то глядел куда-то сквозь Афанасия, а то и вовсе выбежал из комнатки, будто на пожар. А потом возвращался и снова просил рассказать, как околдовывали обезьянцы человеческих отроков, о способах рубки булатом, так, чтоб сталь рассекала воздух без свиста и разваливала надвое глиняное чучело. Просил показать мешочки с порошком. Совал в них нос и осторожно трогал пальцем зелье, потом нюхал. Снова расспрашивал.

У купца сложилось мнение, что Мехмет ведет эти разговоры не просто так. Видимо, дела у хорасанцев в Индии шли плохо, местные жители объединялись вокруг уважаемых людей и часто бивали мухамеддинов. Вот и хотел один из верховных военачальников Мелик-ат-туджара не просто поболтать, поддержать раненого друга, но и узнать о численности исконных жителей этих земель, их способах ведения боя, вооружении и вообще что-то для своей армии полезное. Его трудно было в этом винить.

Наконец, лекарь разрешил купцу вставать. Опершись одной рукой о сухонькую, но крепкую ладонку Абу, он скинул ноги за край кровати. Утвердил босые ступни на прохладном глиняном полу и встал. Ухватившись свободной рукой за резной столбик и унимая дрожь в коленях, сделал шаг. Тело не подвело. Афанасий улыбнулся поддерживающему его лекарю. Ноги держали. Улыбнувшись еще шире, он отпустил столбик и шагнул уже полностью самостоятельно. И еще раз.

Почувствовав себя обновленным, словно бы переродившимся, Афанасий по-медвежьему облапил не успевшего отстраниться лекаря и подошел к занавеске. Абу лишь улыбнулся ему вслед, ничего не сказав.

При появлении купца, на котором была только повязка вокруг чресел, стражники вскочили на ноги, схватившись за кривые мечи. Увидев, что перед ними вчерашний больной, рассмеялись и снова уселись на ковры.

Афанасий опять поразился замедленности их движений и маслянистости глаз. Такое он видел на востоке уже не раз. В курильнях, на постоянных дворах, где продавали кальяны с гашишем. И стражники на воротах такие же. Тут хоть и столица земель хорасанских, а земли-то не свои, захваченные земли. Мало ли кто захочет посчитаться за унижения с одним из первых визирей нового правителя?

Постаравшись отогнать от себя мрачные мысли, Афанасий подставил лицо давно не виденному солнышку, льющему свет сквозь узкие окна под потолком. Зажмурился, по кошачьи лоя щекой солнечное тепло.

Чертиком подскочил старик, всплеснул руками, заскакал вокруг Афанасия, как беспокойная насадка перед вымахавшим ввысь кочетом. Замахал руками-крыльями:

– Радость, радость. Гость дорогой поправился! Поднялся на ноги, сила и стойкость коих сравнима со столетним карагачем...

– Полно, дед, не мельтеши, в глазах рябит. Хоть Абу встать и разрешил, а слабоват я еще...

– Слава Абу, достойному лекарю, чье искусство оживляет мертвых и заставляет Солнце и Луну с удивлением взирать с небосклона на дела людские!

Вышедший из комнатки вслед за Афанасием лекарь польщено зарделся.

– Надо выкинуть грязные тряпки, недостойные касаться тела нашего дорогого гостя! – не унимался старик. Он сунулся было за занавеску, но Афанасий поймал его за шиворот:

– Ты вот что, мил человек, красоту давай на потом отложим, а допрежь пожрать собери. А то от питья на травах кишки совсем свело.

Старик взглянул на Абу, лекарь благосклонно кивнул – мол, уже можно и покормить выздоравливающего.

Старик трепыхнулся в могучей длани Афанасия, фыркнул. Нацепив на лицо улыбку, побрел к боковой двери, что вела к кухне. На улице раздался его резкий голос, отдающий челяди почти воинские команды.

Через несколько мгновений в залу вбежал босоногий мальчишка, сгибающийся под тяжестью дастархана⁸. Бросил его посреди комнаты прямо на устилающие пол ковры и стал раскатывать. Другой мальчишка принялся раскидывать вокруг узкие ватные одеяла. Третий внес запотевшие, остывшие в проточной воде узкогорлые кувшины с питьем. Четвертый – блюда с сухофруктами и орехами. Потом еще один мальчик, а может, и первый, тот, что дастархан расстилал, не разобрать, внес уставленный разнообразной снедью поднос. Стал расставлять одуряюще пахнущие кушанья на заменяющей стол скатерти.

Личный повар Мехмета был настоящим поэтом в своем деле. Как рифмы, сплетал он в одном салате зеленый лук и зерна граната, вареную по-хорасански баранину с хитрыми индийскими травами, медовую халву с кокосовым молоком.

Не дожидаясь, пока последнее блюдо займет свое место, оголодавший Афанасий накинулся на все это великолепиие, не соблюдая ни порядка, ни меры. Запихивал в рот огромные куски и глотал, не прожевав. Лекарь присоединился с краешку, деликатно отщипывая небольшие кусочки. Стражники пожирали роскошный стол глазами. Дергали кадыками, сглатывая тягучую слюну. Старик у дальнего выхода замер, вытянув шею, всем своим видом выражая готовность выполнить любую прихоть трапезников. Абу, отстранившись, чтоб не долетали брызги, с улыбкой наблюдал, как ходят под сухой кожей челюсти купца, разгрызая волокнистое мясо, отщипывал с веточки янтарный виноград и запивал его шербетом из медного стакана. Наконец, утолив первый голод, Афанасий откинулся на топчане и блаженно прикрыл глаза. Доктор налил себе еще стакан шербета и, медленно потягивая напиток, приглядывал за больным – не разошлись ли края раны от обжорства.

Шум снаружи заставил купца встрепенуться. Стражники с ленцой поднялись со своих мест и вытянулись в некое подобие приветственного строя. Дверь распахнулась, на пороге появился Мехмет. Он был мрачен. Едва кивнув Афанасию и лекарю, он подошел к столу. Поджав ноги, упал на одеяло, громыхнул тяжелыми доспехами. Оттолкнул сунувшегося было под руку старика, не глядя налил из кувшина в стакан какого-то напитка. Залпом выпил, не обра-

⁸ Дастархан – тюркская скатерть прямоугольной формы, на которую выставляется еда.

щая внимания, что проливает жидкость на золотое шитье дорогого халата и чеканный узор медного панциря, надетого поверх. Налил еще, поднял, но до рта не донес. Поставил обратно. Замолк надолго, глядя куда-то поверх плеча купца. Лекарь перестал улыбаться.

Афанасий, настроение которого вмиг испортилось, нарушил затянувшееся молчание:

– Здравствуй, Мехмет. Случилось что?

– Случилось, – кивнул головой хозяин.

– Так что ж стряслось? Поделись, друг дорогой. – Афанасию стало не по себе. Развитое в многочисленных путешествиях чутье подсказывало, что кручина визиря связана именно с ним.

Мехмет обвел комнату затравленным взглядом и вдруг заорал:

– А ну-ка все вон отсюда! И к тебе тоже относится, – зло глянул он на лекаря, который, впрочем, и не думал оставаться.

Стражники, гремя саблями, высыпали за парадную дверь, старик юркнул в свой лаз, лекарь встал и с достоинством прошествовал через зал вслед за стражниками. Когда дверь за ним закрылась, Мехмет подошел к ней, задвинул тяжелый засов. Развернулся к кухонной двери, прихлопнул ее с такой силой, что если кто подслушивал с той стороны, мог бы ему и череп проломить, набросил деревянный засов и вернулся к дастархану. Прилег на одеяло, подозрительно косясь окна. Не глядя нашарил стакан и осушил одним глотком.

– Да что случилось-то? – не выдержал Афанасий, глядя в лицо друга, ставшее мрачнее тучи. Обжорное опьянение сползло с тверского купца, как талый снег с весеннего холмика.

Мехмет поворочался, устраиваясь поудобнее, пожевал губами, провел ухоженными ногтями по аккуратно стриженной бородке. Было видно, что ему совсем не хочется начинать этот разговор. Нервы Афанасия натянулись, как канаты.

– Ну???

– Прости меня, друг Афанасий, – пробормотал Мехмет. Голос его звучал глухо, как из бочки.

– Бог простит, – не задумываясь, ляпнул купец и спохватился. – А за что хоть?

– Да понимаешь. Я ж государев человек. Визирь.

– То мне ведомо, – подобрался Афанасий.

– А дела у нас сейчас, сам знаешь, идут скверно. По окраинам индусы бунтуют, шахи не хотят налогов платить, глядишь, внутренняя война грянет. Джуннар, вот, вечный позор на мою голову.

– И о том мне ведомо.

– Так вот, нужна Мелику, да и мне заодно какая-то сила, способная нам победу обеспечить.

– Ну? – хмуро спросил Афанасий. Он уже начал понимать, куда клонит друг, но почему-то совсем не хотел помогать Мехмету.

– Ну и не выдержал я, рассказал правителю о твоём секрете, что нашел ты, как делать сталь булатную, что любые доспехи сокрушает.

– И?

– Захотел шах на твоё зелье руку наложить.

Афанасий был готов к этой новости, но ярость взорвала его, подбросила на ноги. Загрохотали опрокинутые кувшины и стаканы.

– Ах ты... – тверич сжал пудовые кулаки, жилы под пергаментной кожей вздулись веревками.

Мехмет посмотрел на купца исподлобья. Покачал головой.

– Знаю Афанасий, все знаю. Сам себя корю неимоверно. Но пойми ты меня, не могу я по-другому. Долг.

– Ну ладно, рассказал ты шаху про зелье. Что, он заполучить его хочет? Чтоб я ему из мешочков своих его отсыпал?

– Да просто бы отсыпать полбеды, – пробормотал Мехмет. – Да и совсем отобрать тоже бы ничего. Приказал он убить тебя, чтоб секрет дальше по миру не распространялся и в ненужные руки не попал.

– Убить?! Кому приказал? Тебе, что ли?

– Мне, – пробормотал Мехмет. – Сказал, раз я все это затеял, мне и разбираться.

– В общем, прав шах, такие секреты из рук выпускать нельзя, – как-то вдруг остыл Афанасий. – Ну, а ты чего решил? Убьешь?

– Да если б я тебя убить хотел, не стал бы открываться. Тихо бы сделал, пока ты в беспомысленности валялся.

– Так чего ж не убил? Не понимаю я тебя, – покачал головой Афанасий.

– А ты присядь, – негромко сказал визирь, оглянувшись на двери. – Сейчас объясню.

– Ну... Попробуй, – купец сел, отодвинувшись подальше от подсыхающей липкой лужи, над которой уже начали кружиться мухи.

– Понимаешь, я Мелику говорил, что в беспомысленности ты, и прежде чем тебя убивать, надо выждать, когда в себя придешь. Допросить надо. Время я тянул, а сам ждал, когда ты ходить сможешь. Теперь я тебя тихонько за городские стены выведу, а Малику скажу, что сам ты помер от ран и болезней, а зелье твое осталось. И поднесу на блюде. Ну и тело какое-нибудь представлю как доказательство. Бродяги какого-нибудь или из слуг кого понадоедливей.

– То есть?! – возвысил голос Афанасий.

– Да не ори ты, – шикнул на него Мехмет. – Услышит кто, донесет, нам обоим головы не сносить.

– То есть, – смирив голос прошипел Афанасий, – сбежать я смогу, но должен буду зелье булатное тут оставить?!

– Лучше зелье тут оставить, чем голову. Но я ж понимаю, как оно тебе дорого, потому предлагаю вот что, – Мехмет склонился поближе к Афанасию. – Мы его с тобой разделим, из всех мешочков отсыплем понемногу, и ты одну часть с собой домой заберешь, а там уж ваши кузнецы и по половине разберутся, что к чему. Там все равно на одну-двековки. А другую часть я шаху отнесу, скажу – все, что при тебе было. Пусть его оружейники проверяют. Ну, и голову впридачу.

Афанасий задумался. Гнев на Мехмета потихоньку остывал, на его место приходило понимание того, какие душевные терзания выпали на долю визиря. Как мучился он, выбирая между долгом служения отечеству и скрепленной совместными боями и походами дружбой. И как лихорадочно искал выход. И нашел. И правда, так всем лучше будет. И Афанасий сбережет богатство свое последнее, и визирь желаемое получит.

– Ну? – почти жалостливо спросил Мехмет. – Чего ты молчишь?

– Думаю думаю. Да что с тобой поделать? – натянуто улыбнулся Афанасий. – Я ж понимаю, не мог ты иначе. Дружба, она, конечно, дружбой, но ведь и отечество...

– Не сердись? – облегченно переспросил Мехмет.

– Сержусь еще немного, – улыбнулся Афанасий. – Но отпускает.

– Вот и славно. Тогда давай ночи дождемся и все провернем. Я всех с кухни прогоню. Прослежу, чтоб никого не осталось, и тебя через задний двор выведу. Там калиточка секретная есть. Оттуда сразу к воротам, и с рассветом, когда откроют, уйдешь. Ты ходить-то как? Можешь?

– До ворот как-нибудь дохромаю. А без душегубства никак не обойтись?

– Боюсь, никак. Мелик недалекого ума, чего уж скрывать, но боюсь, даже он не поверит, если я ему начну рассказывать, что ты из моего дворца сбежал, всю стражу перебив. Кстати, тогда мне ее перебивать придется, чтоб хоть как-то от себя подозрение отвести.

– Да стража-то у тебя странная какая... Будто опоенная чем.

– Сам заметил, но руки не доходили разобраться. Но теперь уж время появится, полетят головы, – Мехмет погрозил в пространство кулаком.

Афанасию почудился шорох за ведущей на кухню дверью. И даже движение какое-то. Он присмотрелся внимательней. Точно, в щель просунулось что-то тонкое, но крепкое и бесшумно приподняло засов. Дверь неслышно приоткрылась на хорошо смазанных петлях, и в комнату крадущейся паучьей походкой вошел старик. От его немощности не осталось и следа.

Не такой уж и старик. Борода седая, да, но движения гибкие, кошачьи. И нехороший огонь в глазах. В выставленной руке поблескивала та самая заостренная спица, которую купец увидел в день знакомства.

У купца брови полезли на лоб. Уловив странное выражение на лице друга, Мехмет обернулся. Уставился на старика недоуменно.

– Ты что приперся, когда не звали?! – гневно спросил визирь, поднимаясь на ноги. – Стой, где стоишь!

– Зелье, – одними губами прошелестел старик, протягивая свободную от спицы руку.

Что-то в его голосе было такое, что не робкого десятка визирь отступил на пару шагов и встал рядом с Афанасием. Он наконец нашарил на поясе рукоять и потянул из ножен короткую саблю.

– Зелье, – повторил старик, обходя расставленные на столе блюда и не сводя глаз с клинка в руках Мехмета.

Афанасий нагнулся и подобрал с ковра пустой кувшин с длинным тонким горлом и пузатыми боками. Взвесив в руке, перехватил как булаву.

– Старик, ты чего? Брось это, не доводи до греха.

– Зелье, – прошипел тот, приближаясь.

– Как думаешь, чего это он? – спросил Афанасий у Мехмета, чуть отстраняясь, чтоб дать тому возможность рубануть сплеча.

– Лазутчик какой-то, – ответил визирь, не спуская глаз со спицы в руках старика. – Расплодилось их последнее время, так и шныряют. Сейчас я засов открою, пусть с ним стража разбирается.

Он сделал шаг к двери, старик метнулся вперед. На белом рукаве Мехмета появилась красная насечка. Он взмахнул саблей, метя супостату в голову, но старик отпрыгнул. Мехмет кинулся к двери, но спица вновь сверкнула. Красное пятно расплылось по шароварам визиря.

– Шайтан тебя задери! – выругался он, отскакивая.

Афанасий собрался метнуть кувшин в голову деда, но не решился. Старик легко увернется, а он останется без последнего оружия. Надо поближе подпустить.

– Зелье! – снова прошипел старик, наступая.

Мехмет взмахнул саблей, заставляя лазутчика отступить.

– Эй там, за дверью! – заорал он. – Ломайте! Враг здесь!

За дверью завопили, заскребили, послышалось несколько вялых ударов.

– Вряд ли они вам помогут, – нехорошо улыбнулся старик.

– Ах вот, значит, кто стражникам гашиша давал! – разъярился Мехмет.

Он снова махнул саблей. Старик увернулся, кольнул спицей. Мехмет, приноровившийся к манере лазутчика, отскочил ближе к Афанасию, рубанул, целя по выставленной ноге приближающегося старика. Тому пришлось отступить.

– Так, Афоня, – пробормотал слегка запыхавшийся визирь. – Давай в свой закуток. Там в сундуке, что у стены, зелье твое, одежда и кинжал. Отсыпай немного, бери остальное и беги через кухню. Я его тут задержу, а когда эти мухи сонные дверь сломают и убьют, за тебя Мелику выдам. Если получится, – через паузу добавил он, отмахиваясь от наседающего старика.

Афанасий не стал себя уговаривать. Швырнув в голову старика пустой кувшин и не попав, он кинулся за занавеску. Лазутчик взвыл и бросился на Мехмета, стоящего между ним и его

целью. Сверкнула в воздухе спица. Визирь отступил, раскручивая в руке саблю, вырисовывая между собой и противником восьмерки свистящей сталью.

Афанасий накинул на себя сорочку, натянул порты, влез слабыми еще ногами в мягкие сапожки, напялил на кудлатую голову шапочку. Прислушиваясь к шуму схватки и слабым ударам в дверь, купец откинул крышку сундука. Трясущимися руками взялся за завязки первого мешочка, отсыпал треть в специально заготовленную мисочку из фарфора. Накрепко затянул шнурок. Точно так же поступил с другим мешочком и с третьим. Побросал их в холщовый мешок с ляжками, отправил следом кошель с деньгами, кинжал в ножнах и заветную книжицу, на ходу поймав вываливающиеся страницы. Выскочил в трапезную.

Отгесненный лазутчиком Мехмет был уже у самого входа. Старик разозленным демоном метался вокруг него, заскакивая то с одной, то с другой стороны. Визжал, жалил спицей. Кровавое пятно расплывалось по другому рукаву визиря, над бровью красовалась еще одна засечка, алые струйки стекали по щекам и терялись в аккуратно уложенной бороде. Купец замер, не зная, что делать.

– Да беги же! – крикнул Мехмет, отчаянно вращая саблю.

Большая дверь трепетала под ударами снаружи. Видимо, кто-то догадался принести бревно и теперь колотил им в крепкие доски. Глина вокруг косяков потрескалась и комьями отваливалась на пол, в разошедшихся досках уже виднелись отблески на клинках и доспехах стражи. Оставалось продержаться еще немного.

– Мехмет, слушай, неправильно это.

– Что? – спросил задыхающийся визирь.

– Он же несколько лет тебе служил, подбирался, стражников опаивал, а теперь вдруг напал с бухты-барахты. Зачем?

– Да убирайся ты отсюда! – рявкнул визирь. – Сил уже нет держаться.

Афанасий вздохнул. Оставлять друга в такой ситуации никак не хотелось, но оставаться было еще хуже. Это означало подвести под монастырь и его, и себя. Махнув рукой на прощание, купец заковылял к двери. Старик пронзительно взвизгнул и кинулся за ним. Мехмет из последних сил прыгнул следом, поймал за край плаща, дернул. Старик вывернулся, кинулся на Мехмета, вздевая спицу. Тот поймал его за запястье, подмял под себя. Ударил кулаком наотмашь. Крикнул:

– Беги, Афоня!

Афанасий ринулся в проем. Последнее, что он слышал, выскакивая через недлинный коридор на задний двор, – грохот падающей на пол двери.

Оказавшись на ярком солнце, он на мгновение ослеп. А когда глаза его чуть освоились, он им просто не поверил. В широко распахнутые ворота Мехметова двора входили личные стражники Мелик-шаха. Суровые и деловитые, они разоружали сонных привратников, взбурлались на надвратные башенки и замирали там с натянутыми луками. Уверенной поступью шли к главному крыльцу.

Не выдержал, значит, шах, решил в свои руки дело взять? Перестал доверять Мехмету? Только бы тому удалось с лазутчиком сладить, убить его, тогда полегче станет перед Меликом обманную историю сочинять. Мало кто из слуг мехметовых Афанасия видел, а те, кто видели, под таким кайфом, что черта лысого они его...

– Держите его! – вдруг закричал начальник шахской стражи, вытянув руку в сторону купца. Пара вооруженных хорасанцев, гремя доспехами и придерживая сабли в ножнах, чтоб не били по ляжкам, кинулись к Афанасию.

Тверич замер в растерянности. За спиной его затрещало дерево. Из коридора, цепляясь за стены, клубком выкатились люди. В мешанине рук, ног и бритых налысо голов Мехметовых стражников он разглядел черный плащ старика, визжащего, размахивающего окровавленной спицей, лягающегося, кусающегося, извивающегося между пытающихся удержать его рук.

Шахские стражники с размаху влетели в эту кучу малу и потерялись в ней. На крыльцо, хромая, вышел Мехмет. На животе его виднелось несколько глубоких порезов, лицо было бледным от потери крови, но рука с зажатой в ней саблей не дрожала.

– Беги ж ты! – одними губами прошептал он, узрев оторопевшего Афанасия. И заорал во всю глотку, указывая на него острием сабли: – Держи лазутчика! – Взмахнув ею над головой, заорал пуще прежнего: – Бей изменника! – и нырнул в самую кучу.

Купец рванул с места, не оглядываясь. Опрокинул за собой забор, чтоб засекой для преследователей стал, коли сумеют выбраться из кучи. Промчался через скотник с тревожно блеющими баранами и заполошно кудахтающими курами, выскочил к задней стене. Ступив на стоящую около нее бочку, подпрыгнул, ухватился за верхний край. Подтянул тяжелое тело, молясь, чтоб не открылась рана. Плашмя улегся на стену и, вздохнув пару раз, спрыгнул в неширокий проулок.

Удар ступнями об утопанную землю болью отозвался в спине, зубы клацнули. Оказывается, он был не так здоров, как показалось давеча. Но сожалеть об этом было некогда, за стеной, совсем близко уже, слышался звон доспехов. Что есть силы припустил он к виднеющейся в створе домов улице, по которой тянулись на базар толпы горожан.

За спиной загремели сапоги стражников. За кем они побежали? За случайно обнаруженным в доме визиря лазутчиком или за тем, кого их послали забрать вместе с секретным порошком? Удалось Мехмету запутать их или нет? Поверили ли стражники, что он, Афанасий, лазутчик иностранный, а тот, кого сейчас убивают на дворе Мехмета – изменник, который секрет от шаха утаить хочет? Хорошо бы поверили. Тогда быстрее отстанут, думал Афанасий. Лазутчиков эвон повсюду сколько.

Он обернулся, чтобы оценить расстояние меж собой и преследователями, и с размаху влетел во что-то теплое, податливое, остро пахнущее потом. Ноги поехали по отполированной подошвами глине. Чтоб не упасть, вцепился, повис. Скребя каблуками по земле, выровнялся и понял, что смотрит в большой, подернутый слезливой поволокой глаз с огромными ресницами. Отшатнувшись, разглядел грустную морду серого ослика с короткими ушами. Нырнув ему под морду, он дернул за узду так, что ослик сделал несколько торопливых шагов вперед. Из перелука показалась доверху нагруженная арба с мальчиком на передке, в которую и был впряжен обладатель больших грустных глаз. Увидев набегающих стражников, мальчишка заверещал, попытался спрыгнуть с козел, но не успел.

Извинившись мысленно перед ним, Афанасий бросился дальше, с радостью слушая, как трещат оглобли, как ругаются налетевшие на них стражники, как чавкают под ногами и катятся вниз, подпрыгивая, персики из опрокинутых корзин.

Купец метнулся в следующий переулок, заметив закрывающуюся дверь за женщиной в длинном, до пят, платке. Взбежал по ступенькам, ведущим к входу. Не давая створке закрыться, налег на нее всем телом. С грохотом ввалился в темную комнату. Пнул дверь ногой, закрывая. Скользя руками и ногами по выложенному мозаикой полу, настиг пытающуюся встать женщину. Нашупав под ворохом одежд горло, придушил слегка, чтобы не заорала. Затих сам.

Его ноздрей коснулся тонкий аромат сандалового дерева, такой же, какой исходил от Лакшми. Боль потери неожиданно резанула по сердцу. Женщина захрипела, и он ослабил хватку. Прильнул губами к тому месту, где под платком должно было быть ее ухо.

– Будешь вести себя тихо – ничего не сделаю, – прошептал на фарси.

Женщина в ответ трепыхнулась. Кивнула или нет, он не понял, но затихла. Даже, кажется, совсем перестала дышать, но тут уж он был не виноват. Мимо прогрохотали подбитые медью сапоги.

Вот значит как, думал он, чуть приподнимаясь на локтях, чтобы не задавить невольную соучастницу. Лазутчик углядел, что шахские стражники направляются к дому Мехмета,

и решил их опередить, самолично завладеть секретом ковки булата. Вряд ли старик хотел этого изначально, устраиваясь в дом Мехмета, но когда понял, какая удача сама плывет к нему в руки, решил не упускать такой возможности. Секрет ведь любому властителю можно продать за деньжищи немалые. Через меня-то он просто чуть возвыситься хотел, ближе к визирю быть, чтоб что-то нужное узнать, а добыча такого секрета сулит немалое продвижение по службе, кому б он там ни служил. Интересно, кстати, кому? Из индийских князей кому-то? Или из хорасанцев недружественных? А может, тюркам или вообще португальцам? Хорошо, что стражники шаховы его спугнули, открыть нутро свое черное заставили. А то лежать бы нам с Мехметом с проткнутыми гортанями. А пока челядь его, мухи сонные, тела бы обнаружила, так еще бы и растечься по полу киселем вонючим успели.

За входной дверью послышались звенящие голоса. Щель, сквозь которую проникали в комнату тонкие лучики света, загородили чьи-то тени. На крыльце завопились. Афанасий дернулся было подпереть дверь ногой, да не дотянулся. Боль в боку не дала.

Петли скрипнули, дверь приоткрылась. Галдя и толкая друг друга, в комнату ворвалась толпа ребятишек лет от пяти до двенадцати разного пола.

В замешательстве дети замерли на пороге, широко распахнутыми глазами созерцая, как их маму душит огромный чужой дядька. Обернувшись, как по команде, они с воплями скатились с крыльца и понеслись по улице, сверкая босыми пятками и вопя как заполошные.

Опрокинулось что-то невидимое из проема дверного, покатилося с деревянным стуком. К детским голосам присоединился вопль взрослой тетки и рев испуганного верблюда. Застучали по переулкам тяжелые сапоги.

Спалился! Сейчас опять стража нагрянет, мелькнуло у него в голове. Опять бежать? Придется. Стараясь не потревожить раны, Афанасий стал подниматься. В то же мгновение придуманная им женщины ожила, вывернулась из-под него и прямо сквозь платок на лице вцепилась зубами в мякоть руки чуть повыше локтя. Руки и ноги ее обвили тело купца виноградными лозами.

Афанасий вскочил вместе с повисшей на нем женщиной и попытался оторвать ее от себя за шкуру. Она в ответ зарычала и затрясла головой, пытаясь вырвать из его руки кусок плоти, ровно собака. Хорошо, что толстая ткань мешала вцепиться как следует. Он снова дернул, потерял равновесие и вместе с ней снова рухнул на пол, опрокинув на себя полку с посудой. Глиняные тарелки и горшки забарабанили по макушке. Одна пребольно ударила по губе. В рот потекло соленое.

– У, постылая! – рявкнул купец и со всей мочи ударил женщину кулаком в то место, где под тканью должна была быть голова. Силой удара ее закрутило, как одуванчиково семя, отнесло и плашмя бросило в стену. Еще одна полка оборвалась с грохотом, осыпая ее тело осколками битой посуды.

– Прости, – пробормотал Афанасий, почесав в затылке. – Не рассчитал чутка. Ты жива ли?

Женщина не ответила. Даже не пошевелилась. Зато послышался совсем рядом грохот тяжелых сапог. На четвереньках, помогая себе руками, он промчался через арочную дверь на кухню. Обогнул большую круглую печь без дымохода. Оттолкнул в сторону старуху в черном, что сидела там на корточках, прикрыв голову руками. Свекровь, наверное, подумалось ему, была б теща, наверняка бы на помощь дочке выскочила с ухватом наперевес.

Ногой выбив хлипкую дверь, он оказался во внутреннем дворике. Маленьком, шагов пять на пять. Примерился к огораживающей его глинобитной стене. Подпрыгнул, подтянулся, скребя носками сапог по шершавой поверхности. Пыхтя, затащил наверх тело, перебросил через стену и оказался в соседнем дворе, точно таком же – маленьком и квадратном.

Еще одна дверь затрещала и вывалилась внутрь, хотя открывалась наружу, под ударом его сапога. Завизжали женщины, прикрывая длинными юбками лица от взгляда чужого. Невы-

сокий мужчина в белоснежной чалме выбежал в коридор из боковой комнаты, безумно вращая глазами и сверкая белыми зубами.

Огромный кулак Афанасия потушил сверкание зубов, отбросив мужчину обратно в комнату. Другой хорасанец, помоложе, с едва пробивающимися усами, выскочил в коридор, держа перед собой длинный кривой кинжал в вытянутой руке, заметно дрожащей.

Не обращая внимания на юношу, Афанасий промчался через комнату и кухню. Плечом высадил очередную дверь и вместе с ней вылетел в узкий – двум дородным мужчинам ни в жисть не разойтись, переулочек. Задумался на секунду и побежал вниз, к окраинам, к посадкам бедняков. Наверняка чужим там появляться опасно, но и шахскую стражу в тех кварталах вряд ли жалуют.

Улица оказалась длинной, она тянулась несколько кварталов, петляя, как пьяная змея. Прохожих ему не встречалась, но следы человеческого присутствия попадались повсюду. Некоторые были настолько велики, что через них приходилось перепрыгивать. Запах стоял ужасающий. Вокруг головы роились привлеченные отходами мухи. Чтоб они не лезли в рот и ноздри, Афанасий стянул с головы шапочку и закрыл лицо. Богу спасибо, что длинными ресницами наградил, девки сызмальства завидовали. Теперь они не давали мухам усесться на глаза.

В улицу выходили редкие двери, но, в отличие от той, которую он так легко вышиб, были покрепче. Некоторые даже окованы железом – их просто так не выбьешь. Значит, придется пройти до конца сей путь голгофский.

Протиснувшись через особо узкое место, он наконец выбрался на свежий воздух. Почти у самой городской стены, на коей, к счастью, не было ни одного стражника. Оглядел глухие стены домов, прикидывая, как ловчее добраться до городских ворот.

От места, где он стоял, улицы расходились в обе стороны, и разглядеть, что ждет в конце пути, было невозможно. Он прислушался, вода головой из стороны в сторону. Справа доносился шум, вроде как базара. Базар – это хорошо, там можно затеряться, узнать последние новости, переждать облаву. Слева тоже доносился шум, и тоже похожий на шум базара.

Он принялся – ветерок донес до него едва осязаемый запах лепешек и жареного бараньего мяса. Афанасий повернул влево, откуда ничем не пахло, и побрел, думая грустную думу.

Встретившись с Мехметом, он надеялся, что с той поры жизнь его станет легкой и счастливой. Визирь даст ему денег, носилки, может, даже коня или ездового слона, да провожатых две дюжины, да припасов в дорогу. Доставит к побережью, поможет сесть на самый лучший корабль, отплывающий в Ормуз⁹ и помашет с пристани белым платочком. А оно, вишь, как вышло... Он снова гонимый и неприкаянный бродяга с несколькими грошами в мошне. Весь путь придется вновь мерить своими ногами.

– Эй, человек! – донеслось до него.

Афанасий оторвался от своих невеселых дум.

Перед ним шагах в десяти расположились в теньке полдюжины стражников. Видимо, засели тут специально, чтоб останавливать подозрительных путников.

– Чего? – спросил Афанасий, не приближаясь.

– Сюда иди! – мерзко растягивая гласные, позвал его один, молодой и нахальный, видать, отпрыск какого-то знатного хорасанца, поставленный командовать довольно сурового вида ветеранами вовсе не за боевые доблести.

– Зачем это?

– Иди, кому говорю! – в голосе командира слышались угрожающие нотки уличного драчуна, чувствующего за собой поддержку стаи оболтусов.

⁹ Ормуз (искаж. Ахура-Мазда) – арабское торговое государство XIV–XVII веков на берегу Ормузского пролива (между Персидским заливом и Индийским океаном). Контролировало невольничьи рынки африканского побережья и морской торговый путь из Египта в Индию. Столицей был город Ормуз на одноименном острове, поблизости от современного Бендер-Аббаса.

– Скажи, зачем, – уперся Афанасий, делая шаг назад. – Тогда и подойду.

– Ты подойди, тогда и скажу.

– Нет, ты первый.

– Чтоб я, – «я» он произнес особенно выразительно, – перед тобой, оборванцем, ответ держал?.. – командир аж задохнулся от гнева, лицо его пошло красными пятнами.

Другие стражники начали подниматься на ноги, подбирая с земли оружие. Было видно, что особой любви к отроку они не испытывают и им в удовольствие смотреть на его гнев, но должность обязывала.

Не дожидаясь, пока начальник стражи закончит тираду, Афанасий развернулся и побежал.

– Взять его! – взвизгнул за спиной начальник.

За спиной затопали сапоги, забряцали рукояти сабель о медные кольчуги. Застучали, закрываясь, редкие двери и ставни – простой люд не хотел даже смотреть на то, что с случится с Афанасием, не то чтоб помочь ему.

Господи, за что ж ты меня так, взмолился Афанасий, чувствуя, как горячий воздух разрывает уставшие за день легкие. Помогите, не дайте пропасть.

Улица полого свернула и неожиданно кончилась. Как река впадающая в озеро, плавно перетекла в небольшую площадь, ту самую, на которой собирали рекрутов. Афанасий с разгону налетел на двух дюжих воинов, которые заламывали руки какому-то бедолаге. Тот визжал, извивался ужом, молил о пощаде и одновременно угрожал. По лицу его катились крупные слезы, мешаясь с кровавыми соплями, текущими из разбитого носа.

Воины оглянулись на растрепанного, запыхавшегося купца. Один вопросительно выгнул тонкую ниточку черной брови, второй, отпустив руку несчастного, потянулся за кинжалом.

– Где у вас тут в солдаты записывают? – хрипло выдохнул Афанасий.

– Да вон, иди в круг, садись, – почти ласково произнес один. – Считаю, что стал солдатом великого Хорасана.

Второй глянул на купца сурово, не убирая руки с рукояти кинжала. Бедолага поднял разбитую голову с заплывшим глазом и недоумевающе воззрился на странного человека, самолично сующего голову в петлю. Афанасий кивнул и пошел в круг. Стоящие вокруг солдаты беспрепятственно его пропустили. Вконец обессиленный купец опустился на утоптанную землю, следом грохнулся бедолага, коего солдаты забросили в тот же круг.

На площадь вылетели запыхавшиеся стражники во главе с распалившимся юнцом. Дико вращая глазами, он нашел взглядом Афанасия и кинулся к нему, не обращая ни на кого внимания. Подлетел, схватил за рукав, потянул из круга, занес рукоять сабли, целя в шею.

На его запястье сомкнулись могучие пальцы одного из воинов.

– Как смеешь ты поднимать руку на воина армии великого Мелика-ат-туджара?! – про-рокотало над ухом.

– Он не подчинился приказу десятника городской стражи! – взвизгнул юнец.

– Воин не обязан подчиняться сторожу.

– Да как ты... Да мы тебя... – десятник оглянулся на городских стражников, переминающихся с ноги на ногу в безопасном отдалении. Было видно, что они – престарелые, пузатые, не хотят связываться с молодыми статными воинами действующей армии.

– Что вы меня? – вопросительно склонил голову воин, на лице его появилось издевательски ласковое выражение. Еще несколько воинов приблизились, поигрывая булавами и ножами сабель.

– Ничего, – буркнул юнец, поняв, что ничего ему тут не светит. С трудом вырвал руку из железных пальцев воина и, развернувшись на каблуках, пошел к своим. Те, поняв, что стычки удалось избежать, выдохнули облегченно. То же самое сделал и Афанасий.

Глава четвертая

Солнце пригревало. Птицы щебетали в ветвях, перескакивая с ветки на ветку. Ветерок приятно охлаждал лицо. Утоптанная множеством людей дорога скатертью ложилась под усталые ноги.

Но Афанасия все это не слишком радовало. Угрюмый и злой, он шагал в длинной колонне рекрутов, отрешившись от окружающего мира, ожидая лишь команды на отдых. Наконец последовала и она. Купец с трудом нашел в себе силы отойти в сторону от дороги и сел на землю, привалившись спиной к тонкому деревцу. Ажурная тень листьев упала на лицо, дав немного прохлады. Вдоль колонны забегали подростки-водоносы, обнося усталых рекрутов выдолбленными тыквами, наполненными тепловатой водой из ближайшего болота. Афанасий принял одну такую, сделал несколько добрых глотков. Его желудок уже давно свыкся и не бунтовал, когда в него попадала местная зараза.

Первоначальный план выйти с колонной из города, а потом тихой сапой затеряться в придорожных кустах провалился с треском. Конвоировавшие новобранцев воины свое дело знали туго. Кулаками и сапогами пресекали малейшие попытки выйти из строя. На ночь же связывали всех в пучки по полдюжины сплетенными из размочаленных лиан веревками. А если кто-то шумел, дергался или просто слишком громко храпел, били, не разбираясь. Оттого новобранцы следили друг за другом не хуже охранников и сами лупили каждого, кто, по их мнению, мог чем-то нарушить покой воинов. Оружия же не давали никому, а у кого были свои ножи и кинжалы – отобрали в первый день похода. Правда, задумчивые буйволы везли следом за отрядом огромные телеги, на которых было уложено что-то длинное. Но груз был хорошо укрыт тканью, потому разобрать, копия это или что другое, решительно не представлялось возможным.

И куда их гнали, тоже было неизвестно. Говорили разное. И что идут они штурмовать стольный город индийского князя Виджаянагар. И будто гонят их прикрывать град Гулбаргу от войск того же самого князя. Поговаривали даже, что двигаются они на поиски заповедного града Ханумана – обезьянского бога. То ли помощи у него просить, то ли поработить и заставить воевать супротив индусов.

Эти речи вызывали у Афанасия лишь грустную улыбку. Он-то знал, где действительно находится град Ханумана и что с ним случилось на самом деле, но предпочитал помалкивать. Остальные речи улыбки у него вовсе не вызывали. Не улыбалось ему быть погнанным на вражеские укрепления с палкой наперевес. Правда, деваться было некуда. Даже сбежать, ведь где он и в какую сторону направиться, было неясно. Разве что возвращаться по дороге в Бидар. Но навстречу шли новые отряды рекрутов, в которые его залучили б все равно.

На редких привалах доставал он из-за пазухи заветную книжицу. Листал, вчитывался в ставшие родными закорючки, оставленные на ее желтых страницах разными писцами. Вспоминал прохожу Михаила, вовлекшего его в это хождение, коему минет уже скоро четыре года. Вспоминал Мехмета, молодого и веселого вельможу, подобранного им в занюханной деревеньке на волжской излучине. Вспоминал тупого и жестокого обезьянца-переростка, которого прочие обезьянцы, еще более недалекие и грязные, считали своим богом. Вспоминал мальчишку Натху, что оказался храбрее и сообразительнее многих взрослых. И злодея Мигеля, отнявшего у него все – и здоровье, и деньги, и любовь, пусть и поплатившегося за это жизнью. И Лакшми... Хотя нет, ее он старался вспоминать как можно реже. Рана хоть и затянулась, но где-то внутри еще саднило тяжелое чувство потери.

Задор, с которым он продолжал вести случайно попавшие к нему в руки записи, куда-то испарился. Больше по привычке брался он за раздвоенную на конце палочку или уголек, но, выведя несколько слов аккуратным убористым почерком, бросал это занятие. Слог не шел.

Новые города, неизвестные люди, невиданные звери и огромные богатства в чужих сундуках уже не вызывали в нем того детского восторга, с каким он ступал таинственную землю Индии.

Он посмотрел на бедолагу, вместе с которым оказался в солдатах. Тот, грязный и оборванный, бродил между отдыхающими группками новобранцев, что-то бормоча себе под нос. От страха и побоев у него в голове что-то помутилось, и вел он себя странно и даже безрассудно. Вот и сейчас присел к компании совершенно разбойничьего вида новобранцев, давно сплюхавшихся и старающихся держаться вместе. Ведь они ж ему сейчас...

Додумать Афанасий не успел. Один из разбойников подставил бедолаге ногу, второй толкнул, третий плеснул на него кипятком из котла. Обидчики заржали, широко разевавая заросшие густым черным волосом рты. Афанасий сжал кулаки, хотел встать, но передумал. Зло сплюнул под куст. Не его это война.

Вот ведь как, подумал с горечью. Человек может не делать другим зла, однако делает. Значит, зло есть не только в самом человеке, но и вовне. Это понятно, сатана искушает. Он незаметно перекрестился. Но ведь может же человек и добро творить, когда ему это не нужно для жизни, здоровья или иной надобности. Просто от сердца. Вроде как Бог его на то соблазняет. Однако ведь не делает. Почему?

К разбойного вида хорасанцам подошел стражник, крикнул сердито. Замахнулся тяжелой плеткой многохвостой, в кончики сыромятных ремешков коей были вплетены гладкие камешки. Такой можно и хребет переломить, если ударить правильно.

Разбойники в ответ ему лишь пожали плечами, мол, ни причем тут мы. Сам убогий подошел. Сам упал, да неловко в котелоккотелок оступился, обварился. Воин фыркнул и пошел к баюкающему обоженную руку человеку.

Так что, не ведет его, значит, Бог? Не зажигает огонь в его сердце? Или не дает сатана свету господнему проникнуть сквозь завесу мрака? Выходит, настолько враг рода человеческого сильнее Бога-вседержителя?

Воин подошел к тихо скулящему человеку, дернул за плечо халата. Тот сжался в комок, сверкая бусинками затравленных глаз. Воин занес плеть. Бедолага заверещал.

Или в другом чем-то, насчет нас, сырых и убогих, заключается план господень? Может, сами мы должны искусу сатанинскому противостоять? Сами в себе разжигать и поддерживать огонь Божий?

Сунув книжицу за пазуху, Афанасий в два шага преодолел отделяющее его от места расправы расстояние. Схватил за рукоять опускающуюся руку с плетью. Почувствовал, как трещат жилы в попытке удержать падающую смерть. Крякнул от удовольствия, когда понял, что вышло.

– Но, не балуй, – сказал он воину. – Видишь, нездоровый он. Грех это – убогого обижать.

Воин попытался вырвать плеть из могучей лапы купца, закаленной молотом да канатами корабельными. Не смог. Дернулся за кинжалом, поверх его руки легла еще одна могучая ладонь. Клинок не смог выдвинуться из ножен даже на полвершка.

– Он других задирает, – прошипел воин.

– Неправда то, сами они начали. Кипятком на него плеснули, – Афанасий мотнул головой в сторону разбойников, напряженно ловящих острыми ушами каждое слово их разговора.

– Пусти.

– Пущу, конечно. Только ты уж не обижай его, ладно? И так несладко ему пришлось, на голову скорбен стал. А этих, – Афанасий снова мотнул головой в сторону разбойников, – приструни. А то ведь не дойдут до места, им назначенного. Сгинут.

Воин не выдержал тяжелого взгляда Афанасия. Отвел глаза. Купец разжал пальцы.

Воин отошел, потирая занемевшее запястье. Разбойники было засмеялись, но, глянув на разозлившегося воина, поумерили пыл.

Афанасий вновь уселся под дерево, достал книжицу, погрыз зубами расщепленную палочку, коей записи делал. О чем, бишь, он? А, о зле и добре, что в человеке борются и извне к нему приходят. Вот бы о чем написать, да где слова красивые взять?

Бедолага подошел, улегся рядом на траву, свернулся калачиком. Заскулил, елозя выглядывающими из розовых тапок грязными пятками. Афанасий погладил его по голове, чисто как собаку.

– Да, брат. Тяжело тебе пришлось, – пробормотал он по-русски и удивился тому, насколько отвыкли его губы произносить такие простые и слова. От того, насколько чужой звучит родная речь. – Ну ничего, даст Бог... Господи, – обожгла его мысль. Да зачем же он на русском-то, ведь тут же... Нельзя же.

– Что это у тебя? – прозвучал над ухом вкрадчивый голос.

– Не твоего ума дело, – буркнул в ответ Афанасий, пряча за пазуху книжицу и глядя снизу вверх одного из разбойничков, самого гадкого и щуплого на вид, но жесткого лицом и опасного в движениях, как крадущийся в птичник хорек.

– Да ладно, чего ты? – вроде как даже и обиделся тот. – Не чужие ведь люди. Одну арбу на плечах своих тянем.

– Ничего, – буркнул купец и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

– Недобрый ты какой, – разбойник покачал головой укоризненно. – Я к тебе по-хорошему. Всей душой. Никому даже и не говорю, что чужестранец ты.

Афанасий похолодел. Неужели слышал, как он по-русски заговорил? А если и слышал, то ведь можно ж что-то придумать. За молитву обережную выдать. Заговор от ожогов. Удастся ли, не на шутку озадачился купец. Это в портовых городах, где каждой твари по паре, не важно было, какой ты веры, главное – торгуй честно и других не задирай. Чем же дальше от торных путей, на которых встречались чужеземцы, тем суровой были нравы, тем жестче расправа.

– Правда, из далеких я земель, из самого Герата, града великого, что стоит в долине чудесной реки Герируд. Воспетого самим Навои¹⁰... – начал Афанасий рассказывать ту часть своей легенды, что выучил назубок за время странствий по землям мухамеддиновым.

– Ох, врешь, – усмехнулся разбойник и погрозил купцу пальцем.

Афанасий подивился тому, какими мерзкими и опасными стали черты его лица.

– В каком это смысле?

– Уроженцы Герата волосом черны, да кожей темны, да ростом низки, а у тебя волосы вон в рыжину отдают, и бледный ты там, где тело одеждой от солнца прикрыто, и росту на двоих гератцев хватит. И глаза небесного цвета, словно у демона. И в книжице у тебя письмена не наши, на символы коими за пророком Иссой¹¹ ученики записывали, скорее.

– Тебе откуда знать?

– Не то важно откуда, а важно, что знаю, – самодовольно улыбнулся разбойник.

Афанасию захотелось кинуться на него, свернуть цыплячью шею. Но приятели-разбойники были рядом, сидели, сунув руки за пазухи. Небось, ножи лелеяли или кистени самодельные. Да и обиженный купцом воин неподалеку прохаживался, случись что, не на его сторону встанет. Афанасий возблагодарил Бога за то, что крестик и ладанка с его шеи затерялись во время скитаний.

– И что? – процедил он сквозь зубы.

– Ты ж понимаешь, если я расскажу об этом нашим воинам, они поганую овцу в своем стаде терпеть не будут, – еще гаже улыбнулся маленький человечек.

– И что? – повторил Афанасий.

¹⁰ Алишер Навои (Низаматдин Мир Алишер) (9 февраля 1441, Герат – 3 января 1501, там же) – выдающийся поэт Востока, философ суфийского направления, государственный деятель тимуридского Хорасана.

¹¹ Пророк Исса – Иисус Христос.

– А то, что будешь теперь отдавать нам половину лепешки и половину миски риса, что на день положены. Ну, а мы тебя за это в обиду не дадим. Защищать будем, если что, и с охраной договоримся.

Вот в чем дело-то! Прямо как везде в этом мире. Придет какой-нибудь негодяй в деревню, скажет – платите мне дань, чтоб я вас от других негодяев защищал. А потом, глядишь, и не разбойник он уже, а какой-нибудь Карла Первый или Мухаммад луноликий и солнцеподобный.

– А не убить ли тебя до смерти? – спросил купец хорька, угрожающе сдвинул брови.

– А успеешь до того, как он подойдет? – человек кивнул головой в сторону воина, заметившего неладное и поспешившего к спорщикам. Похоже, конвоирам платили с головы рекрутов и каждая смерть в дороге снижала заработок. – Да и все равно, обыщут тебя потом, книжицу найдут и все, – он выразительно провел ребром ладони по горлу. – А если они тебя жизни не лишат, то товарищи мои помогут ночь не пережить, – он усмехнулся, обнажив в оскале гнилые зубы.

– Ладно, шайтан тебя побери, – пробормотал Афанасий. – Будет тебе рис.

– И про лепешку не забудь. И, кстати, не поминают гератцы шайтана. Аджина¹² у них злой дух, – улыбнулся человек и, донельзя довольный собой, отошел в сторону, подальше от приближающегося воина.

– Что тут у вас? – спросил тот, нависнув над Афанасием и испуганно прижавшимся к ноге купца бедолагой.

– Ничего, – пожал плечами купец. – Разговаривали.

– Смотри у меня, – воин погрозил ему плетью.

– Им вон скажи, – Афанасий мотнул головой в сторону отошедшего человека.

Воин внимательно посмотрел в горящие холодной злобой глаза Афанасия, сплюнул и тоже отошел. Купец же вновь погрузился в невеселые думы.

Что ж за природа такая человеческая? Только дай возможность, урвут не только свое, а еще и часть чужого. Причем не работой в напряжении сил, не умом, а хитростью, изворотливостью. Костями лягут за чужой кусок, хотя честным трудом могли бы в два раза больше заработать, а то и в три. И все такие, все. И русы, и татары, и хорасанцы, и индусы. И иные народы восточные. Не могут, как пруссы или ливонцы, от заката до рассвета работать, спины не разгибая. Хотя это они ведь дома такие работающие, пока на своей земле. А как в чужой оказываются, так грабить всех начинают. Отбирают последнее, обсчитывают почем зря.

Размышления его прервала команда на сбор.

Цепляясь за ствол, Афанасий поднялся и поковылял к дороге. Мимо пробежал похожий на хорька человек, поравнявшись с купцом, сделал недвусмысленный жест, не забудь, мол. Ужо не забуду, зло подумал Афанасий, плюну в рис, прежде чем тебе отдать, а может, и чего похуже.

Орудя кулаками, древками копий и ножнами сабель, воины построили рекрутов в колонну и погнали дальше на юго-восток. Бедолага прибился к Афанасию и побежал рядом, как собака. К счастью, был он не вовсе беспомощен – и водой запасался, где мог, и еду свою не просыпал, ел исправно, и шел ровно, не падал, ни к кому не цеплялся, в падучей не бился. О том, что не в себе он, говорил только бегающий взгляд да пузырьки слюны, иногда выступающие в уголках рта. Авось оклемается, думал купец. Дай ему Бог, человек-то вроде незлобивый.

С каждым шагом все заметнее становились следы войны. Брошенные деревни, в коих не осталось ни рисового зернышка, ни завалившего цыпленка, сменялись деревнями полуразрушенными, а после и вовсе стали попадаться одни пепелища. Покойников никто не сжигал по местному обычаю, потому валялись они повсюду, раздувшиеся от жары. Мухи и падальщики

¹² Аджина – в мифологии таджиков, узбеков, каракалпаков, киргизов, отчасти казахов злой дух.

из птичьего и звериного племени облепляли их сплошным ковром. Вонь стояла невыносимая. Воду приходилось беречь, ибо миазмы от гниющих трупов отравили все вокруг.

Как-то вечером, когда новобранцам в очередной раз раздали сушеные лепешки и по пол-пригоршни риса на свернутом в кулек листе, человек-хорек подошел снова.

– Где же обещанная еда? – спросил он раздраженно.

– Что? – Афанасий утер бороду от налипших рисинок, отложил лист с остатками трапезы и вытер руки о порты. – А-а-а-а, еда-то... – за тяготами похода он и забыл о том разговоре.

– Ага, – передразнил его Хорек. – Если ты с нами так, теперь будешь отдавать целую лепешку. Понял?!

– Как не понять, – пробормотал Афанасий, которого взяло нешуточное зло. – На вот, возьми, что осталось, – он указал пальцем на половинку лепешки, лежащую рядом на плоском камне. – И риса вот тоже. – Он отсыпал добрую пригоршню из свернутого листа прямо на сухой, пресный хлеб. Хорек протянул лапки к еде.

На затылок его легла железная ладонь Афанасия. Придавила к камню, повозила по его неровной поверхности, втирая в свежие царапины рис, обильно сдобренный пряностями, которые наверняка тут же стали щипать кожу. Хорек взвизгнул.

– Как следует ешь, от пуза, – приговаривал купец, возя разбойника лицом по камню, пока не хрустнул нос и не затрещали зубы. – Наелся? Или, может, добавочки хочешь?

Разбойник замахал руками, ему было так больно, что он даже мычать толком не мог.

– То-то, – Афанасий отшвырнул его в кусты. – Иди и своим передай, ежели еще кого из компании вашей рядом увижу, точно убью. А ежели к воинам с доносом кто побежит, так... Все одно убью. Понял?

Хорек вытащил из-за пазухи похожий на шило нож и кинулся на Афанасия. Тот легко поймал его руку и чуть повернул. Запястье хрустнуло, разбойник вскрикнул, нож, блеснув рыбкой, исчез в высокой траве. Сильный удар по ребрам опрокинул хорька на спину.

– И скажи спасибо... – не договорив, купец махнул рукой – мол, пошел вон.

Хорек не заставил просить себя второй раз. Прижимая руку к груди, он на четвереньках пополз к своим.

Воин с плетью сунулся было на шум, но, увидев, что разнимать уже некого, удалился.

– Вот черт, – почесал в затылке купец. – И как же спать-то теперь?

Бедолага подошел, сел рядом, словно пес. Показал рукой – ложись, мол, спи спокойно, я покараулю.

– Да? Ну ладно, только не засни смотри, а то обоим не жить, – сказал ему Афанасий. – Меня-то, боюсь, все равно сморит, так что лучше я щас, пока еще они планов злокозненных не придумали. А позже сменю тебя. Лады?

Бедолага кивнул.

– Ну, смотри, – купец улегся, подложив под голову кулак и, уже засыпая, пораздовался, что оттаивает человек. В себя приходит.

На утро он к вящей своей радости проснулся живым. На другое тоже. И на третье. А на четвертое стали слышны далекие раскаты грома, днем превратившиеся в грохот пушечной канонады. К вечеру потянуло гарью, а над верхушками вековых деревьев поднялись столбы дыма. Огонь озарял стремительно темнеющее небо.

Наконец объявили привал.

Отряд переночевал на лесной полянке, а с первыми лучами солнца воины разбудили понурых рекрутов и, не дав умыться, погнали дальше. Взойдя на высокий безлесный холм, Афанасий наконец узрел, кого жгли и в кого стреляли.

В раскинувшейся между двумя невысокими горами долине был выстроен город с высокими стенами. Углы крепости венчали высокие башни. Коричневая лента мутной илистой реки исчезала в специальном проходе с одной стороны города и появлялась с другой, изливаясь в

ров. Именно этот город, несомненно индийский, и брали приступом хорасанские военачальники.

Не останавливаясь, воины погнали отряд вниз, к лагерю штурмующих. Следом загрохотали накрытые тряпьем телеги, общая горячка боя передалась даже невозмутимым буйволам. Новобранцы испуганно озирались, стараясь лучше рассмотреть поле, на коем им скоро придется складывать голову. А посмотреть было на что.

За городом на реке виднелось недостроенное, да так и сгоревшее сооружение. Видимо, штурмующие решили перегородить реку, но защитники совершили вылазку, перебив строителей и спалив, что успели возвести. Похоже, хорасанцы попытались еще и завалить реку трупами погибших, чтоб отравить текущую в город воду, но хищные речные твари, от огромных ящеров до мелкой, но прожорливой рыбешки, уже дрались за останки, вспенивая темные воды.

Сизые клубы порохового дыма то и дело окутывали несколько установленных напротив ворот больших пушек, что палили каменными ядрами. Долетая до стен, снаряды вышибали из них фонтаны каменной крошки, но большого ущерба не наносили. Чуть левее располагались несколько катапульти, мечущих в город огромные камни. Попадая, те наносили стенам и постройкам страшные повреждения. Обваливались внутрь куски кладки, унося с собой защитников. Вздыхались тучи битого камня и секли людей не хуже пуль. Только с точностью у катапульти было плохо, большинство снарядов улетало в белый свет, а после двух-трех выстрелов инженеры бросались к орудиям с инструментом, подкручивать разболтавшиеся детали.

Другие инженеры возводили недалеко деревянные осадные башни в три этажа. Воины обшивали каркасы толстыми досками. Подвешивали на канатах мосты, способные дотянуться до крепостной стены через неширокий ров. Обвешивали перила круглыми щитами и кольчугами для защиты от стрел.

У защитников самопального оружия не было, зато луки в человеческий рост, стреляющие толстенными стрелами, имелись в изобилии. В иных местах под стенами вся земля была утыкана ими, как ежовая шкура.

В поле, ближе к стенам, расположились укрепления из сколоченных в несколько слоев деревянных щитов с прорезанными бойницами. До того они стояли уступами. Теперь же пехотинцы, не обращая внимания на град стрел, сыплющийся на них из крепости, лихорадочно составляли щиты в четырехугольники коробы и укрывались внутри.

Конный отряд выскочил из боковых ворот крепости. Подняв сабли и опустив пики, индийские всадники с визгом мчались на щиты. Наконечники блестели на солнце. Доспехи издавали звон, слышный даже за пушечными выстрелами. На губах коней пузырями вскипала пена. Грязь и вырванная трава летели из-под копыт.

Афанасий сглотнул застрявший в горле ком. Он догадывался, что сейчас произойдет. Ружья укрывшихся в коробах стрелков выплюнули навстречу коннице клубы огня и фонтаны пламени. Пороховой дым заволок поле боя. Когда же он немного рассеялся, конного отряда не было. На земле остались лежать лишь несколько тел, остальные ушли вслед за дымом.

Пылающий горшок, оставляя в небе жирный чадящий след, вылетел из-за стены крепости и разбился об угол одного из коробов. Еще один горшок упал внутрь другого укрепления. Брызнули во все стороны злые искры. Дерево занялось. Стены попадали, выскакивающие из-за них пехотинцы с криками срывали с себя горящую одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.